

Ефим ГАММЕР
Любава ГОРНИЦКАЯ
Александр ЕВСЮКОВ
Наталья КРАВЦОВА
Евгений МИРМОВИЧ
Владимир МОНАХОВ
Андрей ПУЧКОВ
Марианна РЕЙБО
Ольга ХАРИТОНОВА
Вероника ЧЕРНЫХ
Ольга ШИШИЛОВА
Евгений ЭРАСТОВ

ПРЕМИЯ
«ДИАС»

**Сборник прозы лауреатов
премии ДИАС-2022**

**Сборник прозы лауреатов Международной литературной премии
«ДИАС-2022» / Редактор-составитель Галина Булатова. – Тольятти, 2022. –
84 с.**

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Ефим ГАММЕР. Боль солдата	10
Любава ГОРНИЦКАЯ. Третий выпускной	15
Александр ЕВСЮКОВ. Лодка Саныча	20
Наталья КРАВЦОВА. Чёрные клавиши, белые клавиши	26
Евгений МИРМОВИЧ. Мечта	33
Владимир МОНАХОВ. Поступок	39
Андрей ПУЧКОВ. Binnensee	45
Марианна РЕЙБО. Грифельная дощечка	52
Ольга ХАРИТОНОВА. Чужая сторона	59
Вероника ЧЕРНЫХ. Каменные журавли Дзуарикау	64
Ольга ШИПИЛОВА. Реск	70
Евгений ЭРАСТОВ. Забытая рукопись	76

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами четвёртый сборник произведений лауреатов литературной премии «ДИАС». Рада, что идея увековечить имя казанского писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010) оказалась жизнеспособной. Вот уже четвёртый год подряд на соискание премии его имени поступают сотни заявок со всех уголков земли и лучшие из лучших получают призы – шары из натурального камня как философский символ будущего, безграничности, объединения, как память о том, что сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета. По-прежнему девизом премии остаются слова писателя:

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

В этом году на конкурс поступило 208 заявок от авторов из 10 стран, в числе которых Россия, ДНР, ЛНР, Беларусь, Германия, Израиль, Казахстан, Латвия, Молдова, Узбекистан. Лауреатами, а в этом сезоне их не 10, как обычно, а 12, стали:

Номинация «ДЕЛО»

АНДРЕЙ ПУЧКОВ (Россия, Красноярский край, г. Сосновоборск).

«Vinnensee»

ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ (Россия, Челябинская обл., г. Снежинск). «Каменные журавли Дзуарикау»

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ (Россия, г. Нижний Новгород). «Забытая рукопись»

Номинация «ИМЯ»

ЛЮБАВА ГОРНИЦКАЯ (Россия, г. Ростов-на-Дону). «Третий выпускной»

НАТАЛЬЯ КРАВЦОВА (Россия, Оренбургская обл, п. Домбаровский).

«Чёрные клавиши, белые клавиши...»

ОЛЬГА ШИПИЛОВА (Беларусь, г. Гомель). «Реск»

Номинация «АБСОЛЮТ»

АЛЕКСАНДР ЕВСЮКОВ (Россия, г. Москва) «Лодка Саныча»

МАРИАННА РЕЙБО (Россия, г. Москва). «Грифельная дощечка»

ОЛЬГА ХАРИТОНОВА (Россия, г. Новосибирск). «Чужая сторона»

Номинация «СУДЬБА»

ЕФИМ ГАММЕР (Израиль, г. Иерусалим). «Боль солдата»

ЕВГЕНИЙ МИРМОВИЧ (Россия, г. Санкт-Петербург). «Мечта»

ВЛАДИМИР МОНАХОВ (Россия, Иркутская область, г. Братск). «Поступок»

От всей души поздравляю золотую дюжину этого сезона с высокой наградой! А в том, что она с каждым годом становится более престижной, нет никаких сомнений, ведь в жюри – известные литераторы, критики, лауреаты прошлых сезонов, оценивающие работы соискателей строго и беспристрастно (работы поступают им без указания авторства произведения). Сердечно благодарю эту судейскую команду-2022:

Денис ГЕРБЕР (Россия, Иркутская обл., г. Ангарск), писатель, радиоведущий, автор четырёх книг и публикаций в толстых литературных журналах, лауреат литературной премии «ДИАС-2021».

Наталья ДЕМЕНТЬЕВА (Россия, Архангельская обл., г. Коржма), писатель, журналист, победитель Международного конкурса короткого рассказа от радио «Гомель», лауреат Литературной премии «ДИАС-2021».

Галина КАЛИНКИНА (г. Москва), редактор журнала «Дегуста.ру», эксперт редакционного совета журнала «Новый Свет», обозреватель российских академических журналов на Resopin.net., автор публикаций в журналах «Знамя», «Юность», «Этажи» и др., лауреат международных литературных конкурсов им. Бунина, им. Катаева, «Русский Гофман», Волошинский сентябрь», номинант премии им. Эрнеста Хемингуэя, спецприз лит. клуба «Бостонские чтения», лауреат литературной премии «ДИАС-2020».

Алексей РАЧУНЬ (Россия, г. Пермь), автор публикаций в российских изданиях, лауреат литературного конкурса им. Каверина, лауреат литературной премии «ДИАС-2021»

Елена СЕВРЮГИНА (Московская обл., г. Мытищи), поэт, прозаик, критик, кандидат филологических наук, доцент, выпускающий редактор интернет-альманаха «45 параллель», победитель международных литературных конкурсов, лауреат литературной премии «ДИАС-2020».

Татьяна ШАХЛЕВИЧ (Россия, Республика Крым, с. Абрикосовка), писатель, краевед, автор публикаций в российских, украинских, белорусских изданиях, призёр литературных конкурсов «Славянские традиции», «Калининград – янтарный берег», «Я к вам пишу», «Чеховская осень», Всероссийского конкурса имени Сергеева-Ценского, лауреат литературной премии «ДИАС-2021».

Пусть же премия продолжает жить и объединять все добрые писательские силы на этой планете.

Галина БУЛАТОВА (Россия, г. Тольятти),
учредитель, организатор и куратор премии «ДИАС»

ГАЛИНА КАЛИНКИНА. ТРЕНИРОВАТЬСЯ КЛАССИКОЙ

Предлагая вашему вниманию собственное впечатление от конкурсных текстов премии «ДИАС-2022», позволю себе привести высказывание прозаика и литературного критика Михаила Бутова: премии всегда были направлены на то, чтобы поддерживать литературную сложность.

Именно к этому, как мне кажется, стремится и доброцентричная премия «ДИАС», и должны бы стремиться авторы-участники.

Какие же темы раскрывались составом соперничавших сочинителей на этот раз? Интересна нынешняя разноплановость тем.

По моей личной статистике больше всего текстов посвящено ВОВ, детству, поиску себя, советскому времени. Это привычно и не удивляет. Удивило практически отсутствие историй про пандемию. Видимо, этой теме ещё надлежит отлежаться. Единично попадались темы «Норд-Оста», семейного абьюза. Несколько историй касались религии, традиционных верований и ортодоксальных сект.

Достаточно большое количество рассказов написано в жанре магического реализма. Более двух третей историй выдерживают правила и условия конкурса и несут в мир идеи света и добра. Соблюдена гуманность и миролюбивость замыслов, доброта и дружелюбность мотивов героев, посыл к замирению и объединению людей, внимательный взгляд на Вселенную.

По традиции, как член жюри и ДИАС-2021, остановлюсь не только на сильной стороне текстов участников, но и на некоторых недочётах.

Как известно, эффекта текста можно достичь фабулой или интонацией. То есть, эффект может быть сюжетный или стилистический.

Что убивает эффект? Много факторов, но один из них – это излишняя наивность, грозящая перейти в примитив. Почти все наши участники удерживались от излишней наивности, но некоторые балансировали на грани. Или вот другой фактор погашения эффекта истории – неудачная имитация чужой речи, когда слушаешь диалог героев и говоришь себе: не верю, люди так не разговаривают в жизни.

Неудержимость, выпренность слога некоторых авторов (видимо, из неопытности, из старания показать, вот как я умею) грозит им перецеголять самих себя и зачастую выливается в словесно-акробатический фляк.

Другие (и тут уже, скорее всего, возрастные авторы) используют олдовое письмо, в котором не ощущается современный язык, он просто отсутствует. И повествование обречённо катапультируется.

Так что же жюри конкурса хотелось видеть в идеальном конкурсном тексте? Помимо синергии сюжета, фабулы, слога, стиля, идеи и актуальности хотелось бы чувствовать ладонью тепловую магию слов, когда при чтении между строк возникает осязаемое тепло, когда текст становится твоим, когда история становится твоей, когда ты – читатель – отождествляешь себя с одним из героев.

Хотелось бы встретить рассказы из тех, что пишутся не одной авторской фантазией, а как будто кто-то сторонний (посторонний, потусторонний)

запускает их фантазию, как механического цыплёнка. И вот рука автора уже пишет будто бы автоматическим письмом, а не вымучивая из себя.

Что же тут можно посоветовать? А совет простой. Нужно тренировать себя классикой. Нужно приобщаться к ремеслу мастеров слова. Нужно считывать их энергию изложения.

Отсутствие слуха на слово не является реабилитирующим обстоятельством, впрочем, не является и обречённым или необратимым фактором. Слух на слово может не быть врождённым, его можно и воспитать, вырастить. Отсутствие слуха, напротив, принуждает к изучению основ ремесла.

««Полупоэт», как мы называем пишущих стихи без достаточных на то оснований», – говорила Ирина Одоевцева.

Будем иметь в виду этот смысл, но и будем отталкиваться от того, что главный критик – это не члены жюри, главный критик – это Время. Станем тренироваться классикой и готовиться к конкурсам нового литературного сезона.

ДЕНИС ГЕРБЕР. СЕРДЦА ГОРЯТ, РУКИ ПИШУТ

Мир раскололся, и трещина прошла через сердце прозаика. А как иначе? Конкурсные произведения раскрывают настроение общества. Ужасы войны, недооценённый дар мира, подвиг солдата, справедливость, предательство, – эти темы волнуют многих авторов. Писать о таком сложно. Некоторые делали это эмоционально, в надежде, что эмоции передадутся читателю. Увы, это не всегда получалось. Вместо того, чтоб драматически структурировать историю, они просто «педалировали чувства» – так я для себя это называю, а если попросту – давили на жалость, выжимали слезу. Да, воздействовать на читателя можно и так, но полученный эффект будет далёк от истинного эстетического переживания, он скорее сродни шоку или чувству несправедливости, вызванными телевизионным репортажем.

Другие авторы ушли в «небесные сферы» и у некоторых получилось создать светлые сказочные истории, от которых сердце действительно по-хорошему щемило.

Многим не хватило литературного опыта. Кто-то поторопился или поленился, полагая, что рассказанная ими история сама по себе увлекательна и заинтересовывает читателя – излишне. Кто-то наоборот – неумело жонглировал приёмами, там, где это совсем не требовалось.

Ну и совсем небольшая часть конкурсных рассказов – экспериментальная проза, из области абсурда. Жанр этот – высшая материя, он требует досконального знания тех правил, которые нарушаются. К сожалению, я увидел лишь голые эксперименты и высоко их не оценил, при всей моей любви к этому направлению литературы.

Отрадно, что в конкурсе приняло участие много авторов. Сердца горят, руки пишут... Литература в наше непростое время не только живёт, но и рождает нечто новое.

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА. ВСЕГДА И ВО ВСЁМ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

(в сокращении)

Завершился очередной международный конкурс прозы и публицистики «ДИАС», учреждённый в честь выдающегося философа и писателя Диаса Назиховича Валеева. Для меня это всегда – время читательской радости и новых открытий, за что я не устану говорить слова благодарности организатору и идейному вдохновителю конкурса Галине Булатовой. На сей раз выбирать лучшие работы было особенно трудно – очень много сильных, равных по степени литературного мастерства рассказов. Однако в выборе, как всегда, полагалась на свои личные, субъективные ощущения – выбирала по принципу откликнулось / не откликнулось. Остановлюсь на нескольких работах, авторы которых стали в итоге лауреатами.

Рассказ *Любавы Горницкой «Третий выпускной»* – горестная страница нашей истории. Еврейская тема неисчерпаема, как сама многовековая культура. Но магию конкретно этого рассказа даже трудно толком объяснить. Просто он проникает в тебя, остаётся где-то на уровне подсознания. И здесь немалая роль отводится удачно найденному сюжетному ходу. Двойное имя героини – внешнее и тайное – та самая частная деталь, в которой просвечивает трагедия целой нации: «Ханну звали Катя. У особенных два имени – настоящее и людское <...>. Людское писали в метрике. <...> Настоящее знали только дома. Внушали и скрывали. Ханна не понимала почему». Удачно и название рассказа. Слово «выпускной», вызывающее поначалу радостные ассоциации, здесь объединяет в себе две противоположности, олицетворяющие начало и конец жизни: выпускной в жизнь – выпускной в смерть.

Александр Евсюков и его «*Лодка Саныча*». Рассказ мастера малого прозаического жанра. Поместить человека в условия, когда его личность раскрывается с неожиданной стороны – это то, что блестяще удаётся автору. Хмурый и неразговорчивый Саныч, гроза общежития и несостоявшийся литератор, неожиданно признаётся в том, что много лет несёт в себе глубокую личную трагедию – по его вине погиб талантливый драматург Александр Курилов. Он читает главному герою стихотворение – глубокое, прочувствованное, настоящее. И что-то в этот миг происходит и с читателем – какое-то озарение, осознание того, что человек – совсем не то, чем он может показаться в самом начале. Традиции классической литературы, не только русской, но и европейской, сочетаются у автора с оригинальным методом раскрытия характеров, когда сквозь обыденное, заурядное неожиданно начинает проступать исключительное, даже героическое.

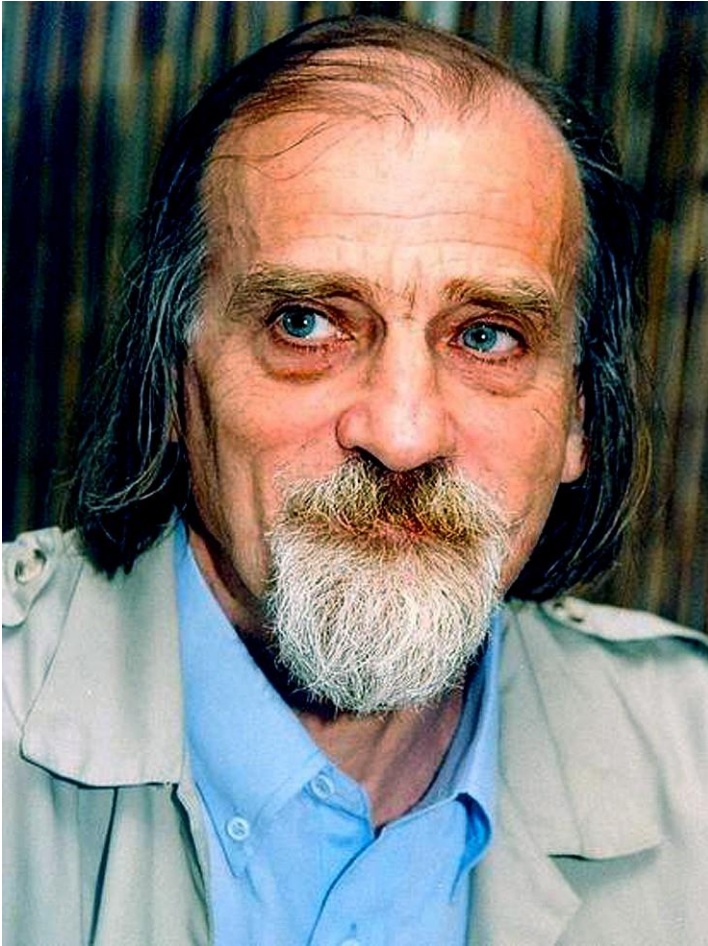
«*Грифельная дощечка*» *Марианны Рейбо* – один из самых сильных и запоминающихся рассказов среди всех конкурсных работ. Он завораживает с самого начала. Тонкая, проникновенная история детской любви русского мальчика и девочки-корейки показана на фоне трагических событий

в Пхеньяне, во время ковровой бомбардировки города американцами. Ранняя и трагическая смерть главной героини, больной туберкулёзом, яркость воспоминаний героя, повествующего о событиях семидесятилетней давности, усиливают впечатления от рассказа, написанного прекрасным литературным языком: «Но ушедший Пхеньян всегда со мной. Он свернулся чёрным, потускневшим от времени локоном в серебряном медальоне, рядом с портретом матери. Он смотрит на меня с запылившейся грифельной дощечки и, прорывая завесу лет, летит белым девичьим силуэтом по извилистой дороге моей жизни...»

Евгений Эрастов «Забытая рукопись». Одно из немногочисленных, представленных на конкурс эссе, показалось мне удачным, глубоким, вполне соответствующим своему жанру. Лично для себя пометила его восклицательным знаком. Тут есть всё: и личная, совсем не простая история главного героя – молодого поэта Виктора Бибикова, и хорошо прописанные чувства рассказчика, для которого постепенно открывается вся правда о личности и таланте недостаточно оценённого при жизни автора, и прекрасный художественный язык, делающий повествование захватывающим от начала и до конца: «...Если честно, я очень плохо знаю, каким он был, и сильно переживаю из-за этого. Я чувствую нишу в пространстве, которую занимало когда-то его тело. Эту нишу теперь не может заменить никто и ничто». Особое спасибо за то, что в тексте эссе приведены стихи поэта – действительно очень хорошие. Портрет творца, самобытный, противоречивый, настоящий – в итоге удался. Захотелось больше узнать о Викторе Бибикове – и это исключительно заслуга автора рассказа.

Хочется поблагодарить участников премии «ДИАС» за следование тем самым гуманистическим идеалам и ценностям, которые нёс людям Диас Валеев. Всегда и во всём оставаться человеком – вот главный тезис этого конкурса, как мне кажется.

ПРОЗА ЛАУРЕАТОВ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
«ДИАС-2022»

ЕФИМ ГАММЕР (Израиль, г. Иерусалим)

Ефим Аронович Гаммер – член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» – «РЭКА». Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге. Автор 28 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них – Бунинская (Москва, 2008), «Добрая лира» (Санкт-Петербург, 2007), «Золотое перо Руси», золотой знак (Москва, 2005) и золотая медаль на постаменте (2010), «Левша» имени Н.С. Лескова (2019). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Судьба».

БОЛЬ СОЛДАТА

Только под вечер дед Наум вернулся домой.

Был он худ и сморщен. Одет в изжёванный пиджачишко защитного, по его мнению, цвета и в линялые, прежде синие брюки, с пузырями на коленях.

Нетвёрдые шаги довели деда Наума до тумбочки с узорчатой бумажной салфеткой. Она стояла в изголовье кровати, застланной по-солдатски «конвертом».

Дед привалился к жёсткой подушке, подумал вполсилы: сколько годочков ему уже наступало? Пятьдесят пять, угадал правильно. И полулёжа отстегнул медали. Поднёс их к близоруким глазам, будто уверялся в полной сохранности своих реликвий. «За отвагу». «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда». И ему казалось, что вместо медалей он видит старшину Коркина с разодранным в крике ртом. Видит, как этот крепыш в заляпанных глиной керзачах вымахнул на бруствер траншеи, замер там на какое-то мгновение и побежал, оскальзываясь, вместе с другими автоматчиками по вспаханному дождём полю. А он, Наум, прильнул к станкачу, наслаивает очередь на очередь и за грохотом пулемёта не слышит невнятного бормотания «Юнкерса». Не слышит... И перелом жизни по самому хребту. Контузия оглушила его, одарила немотой и дрожью пальцев. И, значит, по прибытии домой, в Киренск, ружьё на гвоздь, а в тайгу лишь за кедровым орехом.

Со временем речь и слух вернулись к нему. Живи и радуйся! Но как жить, чему радоваться, когда по зловердным языкам растекается молва, что беспрестанная дрожь его пальцев вспоена не взрывной волной, а милашкой-граммуличкой. Обзаведись даже медицинским справочником, не докажешь молве свою правоту: пущена неведомо кем, сила в ней убойная, и излёту ей нет. Вот и бубни, принимая стаканчик, про «жизнь огорчённую». Даже сегодня, в День Победы, в день рождения своего, когда, притёртый к графинчику на праздничном столе, он полнил рюмочку, не обошлось без этого. А отвратная же работа – оправдываться, виноватить бомбу и, горячась, под ухмылки и реплики собутыльников реабилитировать сподручницу-белоголовку.

– Я это... с ней накоротке, паря. Не наркомовская норма... это... меня шибает по пальцам-гулянцам. А контузия, мать её!..

– Конечно, контузия, дед Наум. Конечно!.. Если трахнуть разок бутылём по темечку, будет тебе и контузия.

– Ну и дурак ты, Васька! – Дед Наум за рюмку, как за последнюю обойму. А медали его – усердно позванивать, словно вели перебранку с насмешником. – Иди в военкомат. Там тебе майор Степанов растолкует, как справно воевал сержант Гольдин Наум Давидович.

Васька тыркнул деда Наума в ребро, сказал назидательно:

– Сержант Гольдин, как мне известно из особых источников, справно бегал от фрица. До самой Москвы. Чтобы на октябрьские покрусоваться на параде. У Сталина на виду.

– Про Сталина не скажу. Чего это ему уличать меня на параде. А вот насчёт «бегал»... Тебя бы, дуrolома, не на танцы-гуляницы, а туда, в сорок первый.

– Сам сиди там. И не высывайся.

Васька любил представлять себя стратегом, умеющим разбираться в оперативных оплошностях начального периода войны. За эти ошибки он и кроил деда Наума, будто именно он, сержант Гольдин, личной волей своей разоружил старую линию укрепрайонов, передвинул её к новым границам, к неподготовленным для обороны рубежам, и тем самым дал возможность немцам докатиться до белокаменной.

Дед Наум скорбел от таких слов. Не Главком пулемётом командовал.

– Смотри сюда, Васька! – он хлопнул себя по груди. – Вот! Это... «Отвага». Не за красивые глаза, да! Мне её тогда, в отступлении... А медаль образца сорок первого года... Эхма! Не твоя даровая брызгалка – «Двадцать лет Победы...»

Дед Наум гневно подрожал руками у лацкана чужого пиджака. И сорвал бы медальку родом из 1965 года, если не привитое сызмальства уважение к награде.

– Не кипятись, отец, – Васька отвёл его руки к графинчику. – Прими стопаря. Полегчает...

Может, и впрямь полегчало деду Науму от привычной рюмочки. Может, полегчало от столь же привычного перезвона медалей. И он, закусив маринованным грибком, повторил:

– Иди в военкомат, дуrolом. Там тебе растолкуют.

– А мы и без военкомата. Здесь. Возьмём да проверим Наума Давидовича.

Васька провел зажёлктым от табака пальцем по медалям деда. Но они глухо молчали. Не отзывались переливчатым звоном на странную ласку.

– Ишь ты, здесь, – дед Наум выволокся из внезапного недоумения. – Войну, что ль, организуешь? Ну и Гитлер!

– Войну – не войну. Но маленькое сраженьице гарантирую. Понимаешь...

– Васька привлёк деда Наума поближе к себе. – К нам, понимаешь, комбинатчикам бытослуги, важнец-бумага пришла. Из Иркутска. Будем шить шубы из собачьего меха.

– Ну и шейте. А сражение твоё причём?

– Не допонимаешь! Материала-то нет! Жди его с нарочным. Когда ещё придёт. А план уже спустили. Дошло? Не-а? Да что тут непонятного? Этот «материал» бегает по нашим улицам в неограниченном количестве. Бери тулку и устраивай себе великий отстрел собак.

С некоторой брезгливостью дед Наум высвободился от Васькиного захвата.

– Ты это брось! Не на танцах-гуляницах, паря.

– Э-э, выходит, слаб ты на кишку, сержант Гольдин Наум Давидович.

– Я бывало на медведя ходил.

– А кто у нас не ходил на хозяина? Поговори, так каждый, оказывается, ходил. Включая и безногого Силыча.

– Да ведь это... ноги свои он потом захоронил. Под Берлином. А медведя мы с ним...

– Ладно, отец. Медведя... Чего же ты тогда собак испугался? Блохастые твари, заразу разносят, гигиену нам разрушают. Пристрелить их – это чистый навар для общества, – Васька обернулся к соседу по столу. – Правильно, а? Петро!

– Сто процентов, – отозвался Пётр. И тут же, залив свои «сто процентов» горячительным градусом, добавил:

– Но не на его двор твои уговоры. Руки у него трясутся.

– Это ты брось! – возмутился дед Наум. – Я на фронте, когда затишье, в снайперы перебирался из максимистов.

– Вот и покажи нам, отец, – горячо сказал Васька, – сержанта Гольдина. Любо посмотреть на него в справном состоянии. А дедом Наумом потчуй посла, за белой-разливной, картошкой в мундире и малосольной кондёвкой.

У Наума Давидовича подсластилось под сердцем. Он себе летуче понравился: этакий живинький, бравонький, лёгкий на подъём. Встал над столом, уронив вилку с фаянсовой тарелки на пол.

– Ну как?

– Огурчик!

Солнце стлалось у самого горизонта. Полыхающее, высвечивало дальние пятистенники.

Они завернули к Ваське за ружьями. И направились к стародавней помойной яме, облюбованной бродячими собаками. Как мнилось деду Науму, и собаки должны были воспользоваться выгодой от повсеместного пиршества. Однако не домыслил: отбросов сегодня куда больше, чем обычно. Вот бездомное племя и не растеклось по задворкам, а стягивалось сюда, к мусорной куче, на дурманные запахи.

Васька торкнул деда Наума локтем в бок.

– Сколь ходового материала, а?

Дед Наум, ощущая сосущую пустоту под рёбрами, взвёл курки. Взгляд его остановился на каком-то чахоточном кобеле.

Но Васька удержал дедовы стволы крепкой рукой кожемяки.

– Ты на шкуру глаза разувай. На шкуру. А у этой твоей псины – шкуры, как от козла молока. Вон, погляди правее. Ценная шкура пасётся.

– Сучку нельзя! – мотнул головой дед Наум. – Рядом с ней – ишь ты! – сосунки балуют.

– Ты это брось, отец. Сосунков жалеть, доху не кроить.

– Сучку нельзя!

– Э-э, дед Наум, – с сожалением протянул Васька. – Выдохнулся из тебя сержант Гольдин. Слеза в глазу, слюна во рту, в душе маразм да трусость.

– Не шали! Я тебе не мальцы-гулянцы, окстись, пакостник...

Дед Наум вновь поднял двустволку. Притер её к плечу. Охватил прыгающим пальцем спусковой крючок. Повел ружьём вдоль добротной шкуры, вывел к вопросительно повёрнутой к нему мордашке. Выцелил зрачок. Но этот

зрачок, живой, с материнской теплыню, затянутый мутной поволокой, как бы наплывал, разрастался в озеро, полное добра и света. И мушка отказалась служить, запрыгала, точно контузия, искалечившая его, затронула и её тоже. Неприятная оморочь окутала его мелким ознобом, предрекая нечто уже знакомое и оттого страшное. Что? Дед Наум не успел осмыслить это «что», как гуттаперчевые пробки, исчезнувшие из ушей, снова заполняют их, пресекают потявканье щенков и злое урчание облезлого кобеля. Последнее, что он услышал, это:

– В Ташкенте ты воевал, дед Наум, а не...

Выстрела он не услышал. Но увидел, как пламя вырвалось из Васькиного ружья, и мохнатая тунгуска дёрнула головой, вываливая из расколотого черепа серых мозговых червей вперемешку с кровью.

– Не балуй! – вскричал дед Наум, не слыша собственного голоса.

Тулка, выбитая из рук Васьки старым солдатом, воткнулась стволами в помойную яму. Васька шагнул было к ружью, но, растеряв в резком движении всю свою хмельную отвагу, нерешительно оглянулся. На него угрюмо смотрел сдвоенный зрачок «бельгийки». Дед Наум, бывший сержант Гольдин, готов был стрелять.

...В День Победы, в день собственного рожденья, когда весь Киренск в этот вечерний час хороводил в пиршеском раздолье, дед Наум сидел дома один, прислонясь к жёсткой подушке. Наушники, подвешенные над изголовьем кровати, были для него немые. Хриплому голосу московского диктора не удавалось пробить пробку глухоты.

Дед Наум вновь пристегнул к изжёванному пиджачку защитного, по его мнению, цвета свои награды и, поднявшись с одеяла верблюжьей шерсти, медленно пошёл к двери, так и не услышав желанного перезвона медалей. Пошёл на улицу, туда, где в зарождающихся сумерках дожидались его осиротевшие щенки.

А вдогонку, когда он захлопывал за собой дверь, пулемётными строчками ударило из наушников:

«Мы были высоки, русоволосы.

Вы в книгах прочитаете, как миф,

О людях, что ушли не долюбив,

Не докурив последней папиросы».

Но эти пулемётные строчки были выпущены уже после боя, просто ради того, чтобы салютовать победе. И они прошли мимо деда Наума, бывшего сержанта Гольдина, пулемётчика-максимиста.

ЛЮБАВА ГОРНИЦКАЯ (Россия, г. Ростов-на-Дону)

Родилась 22 июля 1986 года в г. Ростов-на-Дону. Кандидат филологических наук, преподаватель. Поэт и прозаик. Пишет прозу для детей и подростков. Автор романа-антиутопии для подростков «ОЛИМП(и)Ада», вышедшего в издательстве «Волчок» в 2022 году. Финалист и обладатель специального приза международной литературной премии за произведения для детей и подростков им. В.П. Крапивина (2021), полуфиналист международного конкурса произведений для детей и подростков «Книгуру» (2021). Лауреат поэтического конкурса «Северная звезда» (2021), финалист и дипломант конкурсов «Собака Керуака» (2021), «Господин ветер» (2021), «Стилисты добра» (2021). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Имя».

ТРЕТИЙ ВЫПУСКНОЙ

Ханна впервые умирала в месте, где положено жить. Родильный приют купца Попова занимал южный павильон особняка, отданного благотворителем под нужды лечебницы. Жизнь Ханны мерцала тускло, не пробиваясь своими голубино-сизыми искорками сквозь яркую и злую осень фальшивого городка Нахичевани. Настоящий – древний, уже три тысячи лет как ощерившийся в мир островерхими каменными башенками – находился далеко, за горами и лесами. Или, скорее, за душной опожаренной прикавказской степью. Этот же, привычный, скрал его имя, приклеив неловкое «на Дону» и тулился к Ростову боком. Не то сосед, не то независимая приживалка. Он прочил Ханну в новые дочери, смуглолицые, привыкшие к звукам падающих каштанов, снующие по улицам, подобно пчёлам с гербового щита. Но город ждал живых. А Ханна умирала.

Повитуха кое-как выпутала из пуповины ребёнка, синего от удушья, возилась умело, колдовала с животиком и грудиной. «Повивальные бабки – ведьмино семя. Не тому, ой не тому, за жизнь твою она пообещала!» – после нашёптывала бабушка. Бабка и бабушка не одно и то же. Ханна знала. Но знала после, выцарапавшись из погребели. Уже наверняка обещанная некой силе, собирающей детские души. За окном от вечного южного надоедливости ветра мело рыжими листьями.

– Выпустило её. Жить будет, болезная, – вздохнула повитуха.

И Ханна жила. И, подрастая, слушала повторяющийся рассказ о своём первом выпускном из смерти.

Ханну звали Катя. У особенных два имени – настоящее и людское. На людское полагалось откликаться на улице и в школе, называться им незнакомцам. Людское писали в метрике. Людское притягивало бесконечных тёзок. Настоящее знали только дома. Внушали и скрывали. Ханна не понимала почему. Просто мимо неё катился пёстрый ком событий, безынтесный по малолетству. В первый год её жизни родители прятались по подвалам. От красных, белых, бандитов, ото всех шедших югом и пытавшихся занять Ростов с Нахичеванью наудачу. После успокоилось. Оставалось только приноровиться к новой власти, съехать туда, где забудут купеческие корни. Так случилась комната в Ростове, на Новом поселении, с гулким трамваем за окном. Ханна привыкла бежать вдоль линии, подле звонких рельс, догоняя вагон, падать на мостовую, смеяться, опять догонять. У неё выходило быстрее, чем у приятелей-мальчишек, те злились, толкались так зло и метко, что она сбивала колени в мясо. Но скоро Ханна научилась драться. Дома не переводились гневные соседки:

– Катерина ваша сына мне скалечила!

Бабушка смотрела на жалобщиц с пренебрежительной усмешкой. Стояла сухая и длинная, похожая на корявое древнее дерево, и глядела так, что чужие матери сами ретировались из комнаты боком. Ханне она говорила вечерами одно и то же.

– Надо – защищайся. А просто так в драку не лезь. Просто так лезет одна шпана и босяки. Помни свою кровь.

Кровь проступала на царапинах и легко смывалась под струёй из сипящих уличных колонок. Только бабушка твердила об ином. О тайном имени, которое доступно лишь своим. О вовремя выправленных фальшивых документах, купленных в период мытарств по подвалам. Отчего-то в Ростове лучше оказалось, по мнению бабушки, быть Катей, чем Ханной. И называть родней не мать, тихо ушедшую в родах, а отца, залётного комиссара, оставшегося под Крымом в вечном подводном плену. Ханна иногда воображала, что папа живёт с русалками из старинных книг, заплетает им косы и на илистом дне рассказывает долгие повести о революции. В школе комиссаров звали героями, а Катю – героической дочерью. В мире белой комнатки с видом на трамвай, где Катя преображалась в Ханну, бабушка именовала отца исключительно подлецом. Его кровь помнить не стоило, она текла не в Чёрное море, а в некую геенну адову. Ханна точно не знала, кто такая геенна, наверное, та вонючая и тонконогая зверушка, что живёт в зоосаде. Сказка про русалок ей нравилась определённо больше, и она научилась, послушно кивая бабушке, придумывать по-своему.

Мир её наполнился людьми и языками. Привычная к обществу мальчишек, она жила на улице, забегая домой лишь наскоро перекусить и попить воды. Лучше незаметно, чтобы не оставили готовить уроки, читать книги, заниматься прочим правильным и скучным. Стремглав на общую кухню, пара судорожных глотков, прикинув губами к крану (тратить время на стакан или чашку – роскошь). Хлеб с маслом и сахаром удобно пережёвывать на ходу, прыгая по лестнице вниз через ступени.

– Ты не божья, ты не дайбожья! – шипела гневно вечерами бабушка.

Но до вечера бывали плотные жаркие дни. Ханна шаталась с мальчишками по рынку, улыбалась приветливым нахичеванским армянам и пробовала их соленья не покупая. По-армянски она знала мало, но достаточно, чтобы разжиться скибкой бочкового арбуза или квашеной капустой. Во флигельках при рыночных проулках обретались люди с именами, похожими на её тайное, и иногда она выдавала на идише что-то из бабушкиных уроков, и её угощали молоком, вынося к крыльцу эмалированные кружки. Иногда она помогала дорожным станичницам в расписных платках найти нужную подворотню, куда нырнёшь – и вот он, базар! Станичницы были странного народа казаков, и говор их походил на русский только отчасти. Ханна впитывала чужие наречия во всей их восхитительной местной мешанине. Дома забывалась, выдавала что-то на знакомом, и бабушка качала седеющей головой:

– Был град вавилонский великой блудницей и пал...

– Мы в Ростове живём! – отмахивалась Ханна.

И представляла себе «павший» город, состоящий из бумажных домиков. Такие клеили из папиросной бумаги на уроках труда. Город рушился из-за сквозняка. Раму кабинета поддувало. Однажды Ханна из глины слепила тонконогую зверушку. Посадила у хрупкой халупки с прозрачными стенами.

– Это кто, Катенька? – справилась учительница.

– Гиена.

Ханна чуть не добавила «огненная», но всё же постеснялась. Красный карандаш для росписи ей добыть не удалось.

Ко второму выпускному она пошла семимильными сказочными шагами на шестнадцатом году жизни. В тот год она давно уже как перестала носиться за трамваями, зато полюбила ходить в кино. Показывали фильм про цирк, где точёная женщина со светлыми кудрями баюкала темнокожего младенца. В зале шушукались сочувственно старые армянки, молоденькие станичницы-казачки, иные и разные, жившие в южной духоте. Ханна жадно впитывала фокусы и песни, наблюдала за смешением тёмного и светлого и совсем не помнила свою кровь. Человек, покупавший ей билеты, был чужим и недайбожьим. Когда-то он со злости толкал на мостовую, к самым рельсам, а после зажимал разбитый нос. Нынче же они бродили вместе по городу, ходили в кино и неловко целовались по углам. Он называл её Катенькой, она молчала, потому что верила ещё ровно на людское имя. Однажды они долго плутали, пересаживаясь с трамвая на трамвай, шли пешком и выбрались под стрекот сверчков к оврагу-воронке. Стояли, смотрели с обрыва на пятна светлячков, и Ханна не сталкивала чужих рук с плеч.

– Осторожно тут. Говорят, кусить могут. Змеи ползут...

Ханна рассмеялась. И пошла в темноте по густой траве. Сбросила босоножки, ощущала шелковистые стебельки. Змей да змеица, примите меня, пригласите на свадьбу, сделайте своей! Я сделаюсь и вашей крови! Но были лишь тишина и светлячки.

– Скаженная! – шепнул восторженно парень.

И ухнул за ней по склону. Они сошлись внизу, сплелись ладонями. Ханна не сопротивлялась и легко отвечала на движения елозящих рук. Небо над балкой, названной местными Змиёвской, укоряюще наблюдало за их грехом. «Я Катя. Я комиссарова. Пусть батя русалкам крымским споёт обо мне. Плевать!». И Ханна умирала, перерождаясь в Катерину. И её настоящая кровь капала на подол нарядного белого платья в синий горошек.

Поженились они через пару лет, и бабушка шептала горестно на идише, когда оставалась одна, а при людях улыбалась, желая многие лета. Померла она через год, словно окончательно отмерив тем второй выпуск, принадлежащий Кате. Но иногда снились сказочные города, шорохи и вскрики и шёпот на чужих языках, и Катя ночью обращалась в Ханну. К Змиёвской балке они с мужем по молчаливой договорённости больше никогда не ходили.

Двадцати четырёх лет после пары выкидышей Катя понесла. Пила много воды, выташнивала тревогу, глотала май и мысленно просила судьбу сохранить зачатое. Людское и настоящее мешались в ней, и кроме веры в женскую больницу она молилась бабушкиному богу и – на всякий случай – крымским русалкам отца комиссара. Мужа взяли на фронт в июне, с самым началом войны. Ни Катя ни Ханна не волновались. Надолго не продлится. Победят – вернётся.

В октябре, когда до разрешения от бремени было ещё далеко, в город вошли чужие. Катя возвращалась в бабушкино прошлое, скитаясь по подвалам. Чужие могли схватить за руку и утащить в погибель или в их далёкую страну. Потом они съехали, и Катя убедилась, что всё закончится хорошо. Но уже не изменяла старой привычке называть себя мысленно Ханной. «Храни меня, что угодно, только живой». Дочь она родила незадолго до второй оккупации и ровно за три дня до мужней похоронки. Записала Лидией, а про себя определила к людскому настоящему – бабушкино – имя Ева. Подрастёт дочурка, там и узнает, как её зовут.

Сдали Катю соседи. За таких, как она, чужие расстреляют, если скрыть. Потому забрали её с остальными, теми, что с жёлтой звездой. И Катя вновь сделалась Ханной. Признала место, где змеи свадебки играют. От Змиёвской балки шёл безостановочный дикий крик. Трещали автоматы. Дочь Лидия, она же Ева, была, ей на счастье, оставлена ещё до облавы на приглядеть подруге. Ханна же ступила в знакомую траву. Выли женщины, плакали дети. Начинался третий выпускной. Ханна вслушалась в мешанину звуков и зажмурилась. И шла по траве, вдоль гудящих выстрелами незримых трамвайных рельс, к бабушке, в вечное лето, до тех самых пор, пока выпуск не стал окончательным.

Лидочка выросла в детском доме. О своём подлинном имени Ева никогда не узнала. Выучилась на художницу, рисовала декорации для драматического театра. Но известность принесла ей картина. На обрыве над Змиёвской балкой – шеренга. Дети, женщины, старики. Напряжённые ломаные фигуры. Стоят линейкой, ждут. А от автоматчиков – одни расплывчатые тени. Лидочка по младенчеству совсем не помнила войны. И что её толкнуло рисовать выпуск в смерть – не знала.

АЛЕКСАНДР ЕВСЮКОВ (Россия, г. Москва)

Прозаик, критик. Родился в 1982 году в г. Щёкино Тульской области. Выпускник Литинститута. Работал археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором. Стихи, проза, критика публиковались в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «День и ночь», «Наш современник», «Роман-газета», «Сибирские Огни», «Вопросы литературы», «Нева», «Бельские просторы». Автор книг прозы «Контур легенды» (2017), «Караим» (2020) и «Двенадцать сторон света» (2021), сборника критики «Принцип действия» (2022). Проза переведена на итальянский, армянский, болгарский, польский, татарский, турецкий и якутский языки. Лауреат ряда литературных премий, в том числе российско-итальянской премии «Радуга» (2016), премии «В поисках Правды и Справедливости» (2017), международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Абсолют».

ЛОДКА САНЫЧА

Саньча к нам, первокурсникам Литинститута, подселили вечером, всего через полчаса, как третья койка в комнате освободилась. Так подкидывают надоевший хлам, о который устали спотыкаться.

Он вошёл после короткого стука с угрюмой усмешкой и, покачиваясь взад-вперёд, пробурчал невнятное приветствие. Из-за его спины маячило озабоченное лицо коменданта общежития. Тот внушительно кивал, подтверждая легальность данного вселения, а затем, не переступив порог, поспешно удалился. Саньч дошагал до своего нового места и, задев тумбочку, подставил к ней потрёпанный жизнью чемодан.

– Я на две ночи, – то ли пригрозил, то ли успокоил он сиплым голосом. Уже неважно – до конца сессии нам оставалось всего два дня. Саньч стал напевать что-то неведомое нам, но смутно напоминавшее о блатной романтике.

Мы с соседом Геной переглянулись, осознавая, что влипли. За неполную неделю своего пребывания в общежитии Саньч менял уже третью комнату. Он говорил, что приехал в Москву по важным делам, но за всё прошедшее время дальше крыльца никуда не выходил и ни разу не брился, так что щетина на впалых щеках торчала, как иглы седого дикобраза. Мутным бледно-серым взором он с вызовом впивался то в одного, то в другого собеседника. Давно разменяв седьмой десяток, на каждое несогласие непременно вскидывался в боксёрскую стойку. Это могло произойти в коридоре, за столом в комнате или у плиты общей кухни. Доносился неизменный боевой хрип: «Кто на меня?» Правда, эта его стойка была дырявой и едва ли могла защитить от прицельных ударов, если бы кто-то всерьёз решил их нанести.

Однако до драки до сих пор так и не дошло. Тщедушные мальчишки от прямых конфликтов ускользали, а крепкие мужики успокаивали друг друга и аккуратно, с уговорами отводили Саньча в сторону. Боевой хрип прекращался, Саньч позволял угостить себя, чтобы затем, уже «на свои», продолжить ожесточённо напиваться. Среди ночи входил в комнату и, в темноте добравшись до своего места, ничком валился на койку.

Вот и настала наша с Геной очередь. Гена был старше меня и из-за угловатых очков взирал на Саньча с откровенной неприязнью, свойственной тем, кто в недавнем прошлом сам отличился на алкогольном фронте. Теперь у него наступил период продолжительной и, кажется, прочной завязки. А тут – будто подставили зеркало, где то и дело отражаются твои былые безобразия.

Находиться поблизости от Саньча оказалось тяжело и мне. Угар первых дней сессии, громогласное веселье встреч всех со всеми и бессонные посиделки закончились, казалось, ещё в прошлую историческую эпоху. Они сменились азартом сдачи экзаменов при крайне избирательных знаниях по каждой дисциплине. Только Саньч, как игрок, выпущенный в важнейшем матче на замену, не думал останавливаться. Гнул свою линию. И каждый раз при мысли о нём у меня возникала непонятная смесь уважения и жалости.

– И надо было Ромкиной маме сейчас заболеть? – вспоминали мы про нашего третьего, спешно уехавшего домой, однокурсника. Весь вечер после вселения нам с Геной и Ромкой пришлось заниматься сбором и выносом мусора из всех углов комнаты. Шуршал целлофан, трещали грязные картонки, пованивало тухлятиной. По слухам, до нас здесь проживали строители. Когда всё окончательно вынесли и вымели, остались чистота, простор и прохлада. Но вот вселили Саныча, и появилось стойкое ощущение, что весь тот мусор втащили к нам обратно.

С девушками Саныч заговаривал охотнее и в свою фирменную стойку обычно не вставал. Напротив, он оправлял свитер с неясным рисунком и наставительно сообщал, что начал писать, когда никто из нас ещё не родился. Его творческий путь был ознаменован двумя тонкими книжками в мягких потрёпанных обложках, вышедшими в незапамятные для меня годы. Никто из окружающих, даже самых дотошных книжных червей, никогда о них не слышал. Однако предъявлял он их с видимой гордостью, чем нередко наводил даже большее смятение, нежели своими боксёрскими замашками.

Поздним вечером одnogруппница Таня, вцепившись в меня на лестничной клетке, возбуждённо зашептала тонким голосом прямо в ухо, что всё, чего этот бич достиг в жизни – пшик. Ни-семьи-ни-детей-ни-нормальных-друзей-только-собутыльники-ни-человеческого-жилья-только-комнатёнка-в-коммуналке-ни-постоянной-работы-две-никчёмные-никому-не-нужные-книжонки-весь-итог.

Он к тебе приставал? – спросил я. Таня замотала головой и продолжила. Я решила – не буду больше писать, – она захлёбывалась от слёз и подступившего к горлу отчаяния: – случайно сюда попала, правда, случайно, мне казалось – столичный вуз, интересные люди, будущее... Я же медсестра, насмотрелась на больных, новорожденных и на тех, кто вот-вот помрёт. Об этом и написала, а тут... Так может закончить каждый!

Я стеснительно и неуклюже пытался её успокоить. Но дело было не во мне. Она отмахнулась и, спотыкаясь о ступеньки, убежала в комнату. Через полгода приехала на сессию ещё раз, забрала документы и больше сюда не возвращалась. Мы сдавали экзамены и важный зачёт из последних голодных сил. Голова пылала от напряжения, а я всё лучше понимал героя Гамсуна из недавно прочитанного романа. Лишний половник супа или кусочек поджарки в столовой казались спасением. Ради этого стоило состроить перед поварихой самый жалобный вид. Она держалась сурово, но самых несчастных жалела и подкладывала добавку.

Субботнее утро. Почти все наши уже разъехались. Ни Гены, ни Тани, ни остальных. Блаженная тишина и пустота внутри и снаружи. Полная счастливая обессиленность, как у марафонского бегуна после финиша. Оставалось собрать вещи, заварить себе растворимой лапши, позавтракать, сообщить об отъезде и отправиться в путь. А ещё – купить подарок маме.

Когда я встал, Саныча на его койке не было. Прошёл по пустому коридору, умылся, настраивая себя на сегодняшние заботы. От родительского надзора

я отказался категорически, сам собирался и ездил между городами, но пока это было в диковинку.

Вернулся в комнату – Саныча не было. Может, и хорошо – не придётся натужно прощаться. У меня оставались последние пятьсот рублей, в обрез на подарок и на дорогу. И ещё картонная карточка с одной поездкой на метро.

Я точно помнил, в каком кармане куртки лежала сложенная купюра, и решил перепрятать её поудобнее. Засунул руку и вдруг понял, что денег там нет. Почувствовав выступившую испарину, вывернул карман наизнанку, расправил каждую складочку и прощупал подкладку – ничего. Проверил другие карманы – пусто.

В отчаянии осел на койку. Так, Гена уезжал вчера одним из первых, я его провожал. У других не было возможности тут долго рыскать. А Саныч оставался тут всё время и ему, конечно, понадобились деньги на опохмел. Больше никому. Значит, ко всему прочему, он ещё и вор?.. Вор, способный взять последнее? Это непереносимо. Его надо найти. И что сказать после такого позора человеку, который годится тебе едва ли не в прадеды? Зачем он до сих пор живёт? За этим вот? Козёл старый!

Я выскочил на поиски, даже не заперев комнату, и заметался по этажам. Людей в этот час встречалось мало, и никто не мог ответить ничего вразумительного. Коменданта я сегодня вряд ли найду. Милиция?.. Мобильные были тогда редкостью, однако мог пригодиться бесплатный городской телефон двумя этажами выше. А что им сказать? На кого заявлять? Я вдруг осознал, что не знаю ни фамилии, ни даже имени своего соседа, только отчество. Всё снова упиралось в коменданта – он должен знать.

Обежав всю общажную Ойкумену, я, задыхаясь, встал между этажами. Поглазев на металлические сетки, натянутые в пролёте, уныло побрёл к себе. Оставленная приоткрытой, дверь была плотно затворена.

На единственном в комнате шатком стуле возле стола боком сидел Саныч и отхлёбывал кофе из металлической кружки. Я внимательно на него посмотрел. В холодном оконном свете он был не похож на привычного себя – выбритый, трезвый, в опрятной одежде.

– Здравсьте, – пробормотал я.

– Проходи, – сказал он.

Я прошёл.

– Присаживайся.

Я присел на тонкую подстилку поверх ржавой сетки опустевшей койки.

– Ты знаешь, что он не утонул? – вопрос прозвучал как на экзамене.

– Кто?

– Сеня Курилов.

Я отрицательно мотнул головой, в которой с трудом сложились вместе фамилия знаменитого драматурга и столь фамильярная форма его имени.

– Тогда слушай. Я был с ним на озере. В той самой лодке. Сеня всегда был самый компанейский. Совсем не красавец, с виду – вылитый бурят. Но все бабы с ума от него сходили. Я был старше, у меня раньше вышла книга. Иногда

похлопывал так вот Сеню по плечу и чему-то учил. А его настоящая слава ещё стояла на пороге.

Я попробовал вообразить их – молодых, переполненных неистощимой силой и бесконечным будущим.

– У нас на двоих была лодка. Ничего почти не было, а лодка была. Больше моя, но мотор покупал Сеня. Решили половить хариуса и раздобыть вина. Спустились к берегу, закинули снасти, столкнули на воду. Только рыбалка не задалась – штук пять рыбёшек. Обрато Сеня сел на руль, а я вперёд смотрел с носа. Надо было наоборот, не прощу себе, что не настоял. Но так ему хотелось самому порулить в своей штормовке и в широких мореманских ботинках. А ветерок казался лёгким, волны не было. Он посмотрел вот так в глаза и спросил: «Тебе что – жалко?» Я махнул – заводи. Так и полетели по воде на резвом моторе. Красотища кругом. Тут Сеня окликнул меня, попросил закурить. Повернулся, достаю пачку и сразу – удар, я в воде барахтаюсь, перевернутая лодка рядом. Хватаюсь за нее, она из рук рвётся. На топляк налетели, как бы я со спины разглядел? Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: «Сеня, плыви, плыви!» Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня ноги свело, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывет, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...

– Так значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саньча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытащили, лицо было совсем синее. Так не взаправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей, в моей лодке, столько всего собрался сделать. И вот – сплыл куда-то, на небо, наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню.

Он шумно отхлебнул кофе и замолчал. А я вдруг почувствовал, как жёсткий каркас койки впивается в меня.

– Так и живу, – произнёс он, глядя повыше моей головы. – Нет, не как эту неделю. Я тоже писал, упорствовал, часами, ночами, но редко когда что-то удавалось по-настоящему. Он был моложе, но как будто всё наоборот, и ты с ребячьими силёнками должен продолжить работу здорового мужика. Вырулить до берега. Вот, например...

Не глядя на меня, он прочитал одно стихотворение – сокровенную боль за внешней бравадой. Настоящее. Но, может быть, мне это показалось именно там и тогда. Память не удержала ни строчки.

– Это ваше? – робко спросил я.

– Ага, – рассеянно кивнул он.

– От души.

– Наверно, так. А знаешь, почему перо у писателей и у блатарей звучит одинаково?

Ещё вопрос с экзамена по неизвестной мне дисциплине. Я не знал.

– Потому что перо, твоё или моё, тоже должно колоть в самое сердце.

Я задумался. Почему он закончил этой странной моралью?

– Ну, пойду я, пацан. Собирайся в свою дорогу. А сегодня и правда дела.

Он встал, накинул своё потёртое пальто, как-то необычайно легко подхватил собранный чемодан и вышел.

Слыша из коридора его затихающие шаги, я осознавал, что так и не спросил его о пропавших деньгах и уже не смогу ни догнать, ни спросить. Не смогу, рот не откроется, а язык не вытолкнет нужные слова. Придётся выкручиваться непонятно как.

Я встал и принялся укладывать вещи, думая совсем не о вещах и не о предстоящей дороге. И собрал почти всё, когда сложенная вчетверо купюра вдруг нашлась во внутреннем кармане дорожной сумки. Я сел, ошеломлённый чудом. До сих пор не могу припомнить, когда именно туда её положил.

НАТАЛЬЯ КРАВЦОВА (Россия, Оренбургская область, п. Домбаровский)

Кравцова Наталья Николаевна родилась 20 января 1968 года в посёлке Домбаровский Оренбургской области. В 1986 году окончила Бузулукский финансовый техникум по специальности «Государственный бюджет», работала ревизором-инспектором государственных доходов. В 1987–1991 годах проходила очное обучение на финансово-экономическом факультете Государственной финансовой академии при Правительстве Российской Федерации. В послужном списке Натальи Кравцовой служба в Вооружённых Силах Российской Федерации, затем – государственная таможенная служба. В 1999 году окончила факультет экономики и финансов Оренбургского государственного университета по специальности «Финансы и кредит», работала в банковской сфере и органах народного образования. Публиковалась в газетах, журналах: «Гостиный Дворь» (Оренбург), «Парус» (Москва), «Перспектив» (Москва), «Волга XXI век» (Саратов), «Новый Литератор» (Брянск), «Нижний Новгород», «Южная звезда», «Север», «Причал», альманахе «Земляки» (Нижний Новгород), коллективных сборниках. Лауреат ряда оренбургских и общероссийских литературных конкурсов. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Имя».

ЧЁРНЫЕ КЛАВИШИ, БЕЛЫЕ КЛАВИШИ...

Морозным субботним утром восьмиклассница Вера с мамой, красивой, ухоженной женщиной, на вид чуть постарше дочери, прогулялись по магазинам, заглянули на базарчик, закупили продукты на предстоящую неделю. Остававшаяся дома бабушка пекла капустный пирог, готовила обед.

В палатках на открытом рынке мёрзли одетые в тридцать три одёжки торговцы. Спасая товар, укутали одеялами ящики с фруктами и овощами. Ольга Васильевна, не снимая тёплых перчаток, рассчиталась за капусту, яблоки и пару лимонов заранее приготовленной купюрой, убрала сдачу в карман. Попав под сокращение на прежней работе, сама она тоже едва не оказалась среди этих продавцов. С мужем развелась несколько лет назад, и он не помогал. А на одну пенсию мамы, вместе с которой Ольга растила дочку, прожить было невозможно. Неизвестно, сколько бы она продержалась на рынке со своим воспитанием и интеллигентностью, но неожиданно повезло – посреди учебного года из школы, в которой училась Верочка, позвонили с предложением заменить уходившую в декретный отпуск учительницу музыки. Мама тогда сказала: «Это знак, Олюшка! Бог на свете есть!»

Обратный путь лежал мимо новой, чисто выбеленной церквушки, в которой к тому времени закончилась утренняя служба. Прихожане, в основном люди немолодые, выходили на улицу. На их лицах читалось царившее в душах умиротворение, просветление. Никто не спешил, не смотрел на часы, не проверял телефоны.

«Люди потянулись к Богу. Прямо как в старые времена», – отметила про себя Ольга Васильевна, замедляя шаг. Она на минуту остановилась у ажурной кованной калитки, трижды перекрестилась и поклонилась иконе Богородицы с младенцем Иисусом на руках, укреплённой над входом в церковь, вынула из кармана пальто монеты со сдачи – пригодились как нельзя кстати.

– А нищих, нищих-то развелось, больше чем посетителей, – громко сказала Вера. – Непонятно откуда? Уже не только во дворике, но и за оградой стоят.

– Нужда гонит на паперть, – чуть слышно ответила мама и умоляюще посмотрела на дочь: «Тише ты! Тише...»

Та недовольно хмыкнула. Ольга Васильевна подошла к старой женщине, одиноко стоявшей у кованной калитки, протянула монеты:

– Возьмите.

Уходя, обернулась:

– Вы совсем замёрзли. Шли бы домой.

– Спасибо, доченька! Храни вас Господь! – смущённо поблагодарила старушка и поспешила объяснить, впрочем, совсем не надеясь, что её дослушают:

– Муж слёг. Лечение дорогое. Пенсии на все таблетки не хватает.

– А какие нужны?

В голове пронеслось: «Дети забыли? Или старики одиноки? В таком возрасте стоять на морозе нельзя. Как ни одевайся, простудишься, сам сляжешь».

– Сердечные, – женщина, сняв с и без того озябшей руки варежку, выудила со дна матерчатой сумки пустую коробочку от таблеток.

– Где вы живёте? – спросила Ольга, понимая, что уже не сможет не помочь.

– У моей мамы есть какие-то лекарства. Пришлю дочку, посмотрите.

И старушка доверчиво назвала адрес, объяснила, как пройти к дому, и что подъезд не запирается, а внизу, у их с дедушкой двери, по вечерам горит лампочка, если её не выкрутит пьющий сосед.

* * *

Как только Ольга Васильевна догнала дочь, Вера немедленно начала возмущаться, ничуть не заботясь, что её услышат прохожие:

– Мам, зачем ты дала деньги? Ты же не знаешь, как эти липовые «попрошайки» живут! Они побогаче нас. А у их хозяев вообще особняки и личные самолеты. Это такой бизнес на доверии...

– Вот и посмотрим. Думала, ты сама отнесёшь, но у них сосед-пьяница, поэтому сходим вместе.

– Куда сходим? – остановилась Вера. – Что «отнесёшь»?

– Зайдём в аптеку, купим таблетки и отнесём, – спокойно ответила Ольга.

– У этой старушки болен муж. Нужно помочь с лекарством. «От суммы да от тюрьмы не зарекайся»... Слышала об этом? Сделай выводы.

– От какой суммы? Какой тюрьмы? Ты о чём? Мама, тебе деньги девать некуда? Я в этом не участвую!

Вера, ещё совсем недавно тихая и покладистая девочка, дочечка, Верочка, Верунчик, теперь, став подростком, ставила под сомнение любое мамино слово, критически оценивала каждый её поступок. Ускорив шаг и оторвавшись от матери, глупая девчонка, недоросль, демонстративно прошагала мимо аптеки. Ольга Васильевна купила нужные таблетки из расчёта, чтобы хватило на месяц. Придя домой, вручила сумки с продуктами маме. Переодевшись, прошлёпала босиком на кухню. Как же здесь тепло! На минуточку обняла дорогую свою стряпуху, хлопотавшую у плиты. Господи, спасибо, что мамочка здорова и на ногах!

...Пообедали в тишине. Вера, с чашкой чая, шоколадкой и куском пирога ушла к себе в комнату. Конечно, она успела пожаловаться на мать, но бабушка её не поддержала и теперь ждала разъяснения ситуации от Ольги.

– Кого ты там встретила сегодня? Что за нищенка? Знакомая?

– Я её не знаю, – Ольга ненадолго задумалась, напрягая память. Что-то ей всё же показалось знакомым. Голос? Глаза? Или сухонькая, морщинистая рука с длинными пальцами? Глянув на внимательно слушавшую маму, пояснила:

– Старая женщина собирает деньги на лекарство. Не просит. Никого не останавливает. Не хватает за рукава. Мёрзнет под оградой у калитки. Не знаю, подают ли ей. Рядом с церковью много нищих, вот они не молчат. Прихожанам просто так не пройти... А эту старушку туда, наверное, и не подпустили.

– Ты что же ей и денег дала, и таблетки купила? – уточнила мать.

– Да, – коротко ответила взрослая дочь, начиная чувствовать себя провинившимся ребенком.

– Сама понесёшь лекарство или Верочку отправишь?

– Сама. Вера отказалась. Там ещё есть проблема – пьющий мужик в соседях.

Ольга вдруг улыбнулась. Они с мамой всегда понимали друг друга с полуслова...

– Мам, у нас суп остался?

– Остался, остался. И мясо в нём есть. Доставай термос.

* * *

Верочка, вернувшаяся в кухню за вторым куском пирога, изумлённо застыла в дверях – две её самые родные и любимые женщины сошли с ума. На обеденном столе рядом с коробочкой таблеток стоял термос, наполненный горячим супом. Мама, один за другим выдвигая ящики стола, искала куда-то запропастившуюся крышечку. А бабушка... бабушка заворачивала в пергаментную бумагу четвертинку пирога. Достала из холодильника запечатанную баночку с вареньем, лимон, два яблока, бутылку молока, пакет сметаны, кефир. Завернула в бумажный куль несколько яиц, во второй – две морковки, луковицу, крупные картофелины.

– Хлеб тоже возмёшь? – бабуля, игнорируя внучку, повернулась к дочери.

– Может, и капусты отрезать?

Ольга кивнула. К выложенным на стол продуктам добавилась половинка бородинского и кусок капусты, отхваченный от кочана точным ударом ножа-тесака.

– Что здесь происходит? – непонимающе уставилась на бабулю Верочка.

– А то и происходит! Вызывай Вовчика. Передачку отнесёте, – ответила бабушка тоном, не терпящим возражений. – Напиши им адрес, Оля.

– Ба, и ты туда же? – начала закипать внучка. – Ладно мама, но ты-то... ты-то...

– Ой, – вдруг вспомнила бабушка. – Я же сало солила! Уже готовое.

Снова хлопнула дверца холодильника, зашуршала разворачиваемая фольга, и по кухне незамедлительно распространился аппетитный чесночный дух. Мама, отыскав крышечку от термоса и пристроив на крае стола блокнот, набросала нужную улицу, дом, квартиру. Продукты и лекарство бабушка сложила в новый крепкий пакет. Возмущённая Вера не сдвинулась с места.

– Я никуда не пойду!

– Одну тебя не пущу, – строго посмотрела на неё бабуля. – А с кавалером своим пойдёшь, как миленькая. Звони ему, или я сама позвоню. Пусть тебе будет стыдно!

– За что стыдно-то? – не сдавалась внучка.

– За скупость и за чёрствость. Как-будто не мы тебя растили... Сердца в тебе нет, – расстроено вздохнула бабушка и устало опустила на табурет. –

Что тут непонятного? Церкви не жертвуем. Милостыню не даём. Люди в войну последним куском хлеба делились. А мы сытые. Не бедствуем. Старикам можем помочь. И поможем! Звони Вове или уйди с моих глаз!

* * *

...Вовчик, Верочкин друг, одноклассник и жених в одном лице, жил в доме напротив, примчался через пару минут после телефонного звонка. Взял пакет и листочек с адресом из рук Ольги Васильевны, поторопил Веру и спустился вниз дожидаться её на улице.

– Может, лучше бы я сходила? – раздумывала Ольга, глядя на ребят из окна.

– Нет, доченька. Иначе ничего путного из Веры не вырастет. Не придумаю, когда мы её упустили. Гордыня – тяжкий грех.

– Это сложности переходного возраста. Повзрослеет – уgomонится, – попыталась успокоить себя и маму Ольга. И всё же тревога не отпускала: как бы дочь ненароком не обидела стариков, не нагрубилa. Хоть беги за ней следом. Вымыв посуду, она поставила на плиту чайник с остывшим кипятком, включила газ.

– Мам, давай почаёвничаем, а то что-то я нервничаю и никак не согреюсь.

– А я тебя развеселю! Рассказать, как мои бабушка с дедом поженились?

– Чувствую, что-то особенное случилось... – Ольга, разлив по чашкам горячий чай, уселась поудобнее.

– Баба Маша с детства шустрая была. С мальчишками росла, одна девочка в семье. Они с младшим братишкой Ваней учились в церковно-приходской школе, а старший брат Егор к тому времени поступил в ремесленное училище. Он жил в городе, на квартире вместе с другом Петей из соседней деревни. Парни всегда были вместе: с утра шли в училище, после занятий – на квартиру. На выходные или на каникулы разом ехали домой. Между их деревнями всего-то три километра. Случалось, гостили друг у друга, оставались с ночёвкой. Дружили всю жизнь, ещё и породнились.

Марьюшка младше на четыре года, в её сторону Пётр никогда не глядел – маленькая же. А она росла да озорничала в компании с Ванюшкой и его друзьями. По заборам, деревьям лазила не хуже хлопцев, и дралась с ними на равных, и во всех играх участвовала. Зимой обрядится в братову одежду – от пацанов не отличить, уцепятся они за задок чьих-нибудь саней, на полозья вскочат и катаются, пока хозяин не прогонит или сани за деревню не выедут. А там поспрыгивают и назад! То бегом, а то и кубарем. С горки на салазках катались, снежные крепости строили. Маша придумщица была и заводила, всегда отличалась. А родители не ругали, до того ли им было? Работы в доме и поле немерено: скотина, птица, огород, да корм добыть, сено заготовить. О топливе на зиму позаботиться. Засеяться, а потом урожай зерновых собрать без техники – это ж какой труд! Рожали помногу, и всех надо накормить, обстирать, одежду пошить, обувь.

Сейчас народ пожиже, разбалованный. А в то время не потопаешь – не полопаешь. Прадеды были крепче и ближе к земле, к природе. Хоть и жили тяжело, не всегда сыто ели, но Божьих странников, блаженных, юродивых, сирот принимали, не прогоняли. Нищие побирались, у каждого на то была своя причина. И им подавали. Тут и сочувствие, и сострадание, и вера в то, что сам Господь, его мать, Пресвятая Дева Мария, или же Никола Угодник, или другой святой, одевшись в рубище ходят по земле, в поисках приюта могут постучать в любой дом, попросить хлеба и воды.

* * *

Как-то раз Марьюшка, а было ей тогда пятнадцать лет, подговорила подружку одеться нищенками. Вырядились они в тряпки, что похуже, платки в саже вываляли, лица вымазали – родные матери бы не признали. Взяли девчата по мешку да по длинной палке вместо посоха, и побрели по своей деревне с протянутой рукой. Они просят – их и накормят, и что-то с собой дадут. А эти и рады... Обошли дальние улицы, а разохотились, и по ближним, и даже по своим соседям прошлись. Всех разжалобили! Возвращались домой довольные, еле тащили по мешку с провизией. Ещё до дома не добрались, а уже посохи побросали, сняли перепачканные сажей платки. Позабыли, что надо таиться! Идут, хохочут. Не столько дохода – сколько приключений. А тут им попались парни. Те заподозрили, что нищенки больно молодые и весёлые. Затребовали поделиться угощением. Но не тут-то было! Марья вырвалась и свой мешок утащила. А подруга не такая прыткая – рассыпала по дороге. Может, кто бы и не поверил, только вон они – пирожки, хлебные горбушки, картошка, яйца.

Слава-то поперёд человека идёт, так и о девчатах слух разошёлся. Все узнали, кто недавно бродяжничал под видом старух и при случае припоминали «нищенкам» их тряпьё и жалкий вид. Маше от отца влетело. Дома её загрузили работой так, чтобы времени на глупости и озорство не оставалось.

Егор о проделках сестры рассказал Петру. Оба уже работали, иногда виделись. Друг был проездом, дождался Марьюшку и повнимательнее на неё посмотрел. Разглядел, что выросла девка, поправилась, похорошела. Теперь её уже с хлопцами не спутать, хотя в голове ещё бродит детство. Вернулся Петя домой и говорит: «Матушка, если к нам постучатся нищенки, не гоните их. Привечайте! Может статься, что одна из них станет вашей невесткой».

И всегда двери их дома были открыты для любого человека – знакомого и незнакомого, голодного, недужного. Петина мать кормила бродяг, ещё и на дорогу еды давала. И ночевали у них пришлые, и в бане мылись. Месяц лежала больная женщина, и за ней ухаживали, лечили, кормили. И сами её похоронили, потому как не знали, чья она и откуда пришла.

...А Пётр дожидался свою Марью. Она потом призналась, что с детства о нём мечтала, и, заметив тот его особый взгляд, загадала: «он будет мой». Спустя три года случайных встреч и переглядок, мой дед Петя засватал бабу Машу и привёз в дом к своей матери, а та облегчённо вздохнула: «Слава Богу!»

Наконец-то, сынок, дошла до нас твоя «нищенка». Спасибо, что дошла, не то не появились бы на свет ни мама моя, ни я, ни ты, Олюшка, ни наша Вера.

* * *

Вечером за ужином Верочка отчитывалась домашним о походе к старикам:

– Мы подняли с кровати дедушку, довели до стола. Они с женой суп ели, потом пирог с чаем. На вечер сварила им гречку, укутала. Поедят с молоком. Посуду вымыла, пол в кухне подмела. А как они таблеткам обрадовались! И продуктам! Бабушка плакала. Сказала, что ей мою маму Бог послал. Что стоять у церкви тяжело, и дедушка дома не может один. Ещё она играла нам на рояле. Белые клавиши, чёрные клавиши... Так красиво! Мы с Вовкой заслушались. Бедненко у них. Картин на стенах нет, только фотографии в рамках – выпускники с цветами. Причёски и одежда – прошлый век. Книги они продали, а инструмент не смогли. Ты, бабуль, оценила бы звучание.

– Фамилию не называли? Имена? – вдруг разволновалась бабушка.

– На двери написано: Иванов – один звонок, Гореловы – два звонка, – припомнила Вера. – Их зовут Вера Петровна и Сергей Ильич. А зачем тебе?

– Накапай мне валерьянки, Оля, – схватилась за сердце бабушка. – Это же наша Вера Петровна! Педагог музучилища, пианистка, талантище! Скольких нас выучила – не счесть! Все её обожали. Я тебя перед музыкальной школой приводила к ней на прослушивание, советовалась. В тот год Вера Петровна потеряла сына и не смогла работать, уволилась. Мы упустили её из виду.

– Мама, может тебе дать что-то получше валерьянки? – всполошилась Ольга.

– Нет, доченька. Всё лучшее ты сегодня уже сделала. Теперь моя очередь. Обзвоню сокурсников, соберёмся, поможем Гореловым.

Обернувшись к обескураженной неожиданной новостью внучке, бабушка светло улыбнулась:

– А ведь мы называли тебя Верой в честь Веры Петровны. Хорошо, что вы познакомились. Ты термос забыла забрать у Гореловых? Вот и сходишь за ним завтра, заодно передашь мой привет, обедом накормишь.

Чёрные клавиши, белые клавиши... Сила духа, гармония звука... В жизни Веры Петровны Гореловой наконец наступила светлая полоса...

ЕВГЕНИЙ МИРМОВИЧ (Россия, г. Санкт-Петербург)

Родился в 1973 году в Ленинграде. С 2019 года является одним из редакторов литературного портала «Имба-Читальня». В 2021 году в издательстве СИНЭЛ выпустил сборник рассказов «Бессмертие», а также публиковался в сборниках «Писатель года-2021» и «Дебют», вышедших в издательстве Союза писателей России. Пишет рассказы и повести, основанные на реальных судьбах наших современников. По основной профессии юрист, но последние годы руководит несколькими волонтерскими проектами по работе с инвалидами. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Судьба».

МЕЧТА

Отца своего Андрей не помнил. Зато точно знал, что назван Андреем в честь деда. Мама всегда говорила, что дедушка – единственный настоящий мужчина на этой земле. Правда, дедушку Андрей помнил смутно. В памяти всплывали лишь шершавые золотые звёздочки на его погонах и колбочая небритая щека этого великана, который поднимал Андрея на руки и с тревогой в глазах долго рассматривал малыша.

Ещё запомнился белый пластиковый шлем военного пилота, который дед часто держал в руках, приезжая в гости прямо со службы. А потом этот шлем положили на большую охапку цветов, и какие-то солдаты все разом выстрелили в воздух так громко, что Андрей сильно испугался. Наверное, он бы заплакал от испуга, если бы не находился в это время на руках у мамы, которая так крепко прижала его к своей груди, что страх тут же прошёл.

Мама всегда говорила, что Андрею нечего в этой жизни бояться. Надо только понимать, что люди бывают разные. Есть умные, а есть такие, кто тоже не дурак, но всё поймёт потом. Андрей запомнил это и не боялся ничего. Даже когда в специальной школе для «детей с особенностями», как там принято было говорить, его дразнили тупым и били большим деревянным транспортиром, с помощью которого на доске чертят мелом фигуры.

Единственная вещь, которая вызывала у Андрея страх, была неведомая ему аббревиатура ПНИ. Мама всегда говорила, что когда она умрёт, Андрея отдадут в ПНИ (Психоневрологический интернат) и тут же начинала плакать. Андрей успокаивал маму. Он ласково гладил её волосы и говорил, что не пойдёт в этот ПНИ, а мама смотрела на него заплаканными глазами и улыбалась.

Андрей очень любил, когда мама улыбается. Чаще всего это происходило, когда они вместе ложились перед сном в кровать и мечтали вслух. Андрей мечтал о большом шоколадном прянике, который никогда не черствеет и не портится. Чтобы можно было каждый день отрезать от него по кусочку на завтрак. А мама мечтала о какой-то деревне под названием Михайловка, где прошло её детство. Она говорила, что там невероятно красивые луга и пахнет свежескошенной травой. Там такие цветы, каких Андрей никогда не видел, а по вечерам там поют в рощах соловьи, и люди там все добрые и простые, не то что здесь, в городе.

Мама говорила, что там её Родина, но вернуться туда нельзя, потому что родительский дом сгорел и жить негде. А чтобы построить новый домик, у мамы недостаточно денег. Правда, есть надежда, что если Андрей подрастёт и сможет оставаться один дома, то мама сможет найти другую работу и скопить деньги на строительство маленького домика на берегу реки в Михайловке.

Мама говорила, что если эта мечта сбудется, она будет счастлива, потому что там, в Михайловке, все помогают друг другу, и даже если она умрёт, Андрея там не бросят и не отдадут в ПНИ. Мама всегда улыбалась, когда вспоминала про Михайловку, и Андрею очень нравились эти мечты.

Он очень хотел оставаться дома один, чтобы мама могла больше работать, и совсем не боялся этого. Только вот мама боялась. Ей не очень не понравилось,

когда Андрей в её отсутствие решил однажды наполнить ванну. Вообще, наполнять ванну Андрей умел. Для этого нужно было лишь заткнуть слив пробкой и включить тёплую воду. Но в отсутствии мамы Андрею понравился маленький водопадик, который получился, когда вода стала потихоньку выливаться через край, и он долго наблюдал за тем, как вода течёт на пол.

Ещё маме не нравилось, что Андрей ест всё, что лежит в холодильнике. Вернее, мама всегда радовалась, глядя на то, как Андрей кушает, но она очень расстраивалась, когда Андрей сам доставал из холодильника еду. Она даже плакала однажды, когда Андрей съел пачку фарша, купленного для приготовления котлет. Мама говорила, что фарш был сырой, и кушать его было нельзя, но Андрей не очень понимал, почему мама так расстроилась. Ведь утром они вместе ели сырые бананы и ничего страшного не произошло.

Однажды у Андрея был день рождения. Мама говорила, что в этот день сообщит Андрею какую-то очень приятную новость. Андрей целый день томился в ожидании. Вечером мама вернулась домой с огромным тортом. Андрей всё хотел поскорее узнать новость, но мама улыбалась, и Андрей готов был ждать сколько угодно, лишь бы подольше видеть мамину улыбку. Наконец, мама установила на торт восемнадцать свечей и торжественно объявила Андрею, что как раз в день его рождения она нашла новую хорошую работу и теперь они очень быстро скопят деньги на домик в Михайловке.

Андрей от радости захлопал в ладоши и запел свою любимую песню, про волшебника в голубом вертолёте, который подарит пятьсот эскимо. А мама говорила, что прежде чем идти на новую работу, ей нужно покрасить волосы, чтобы не было так видно седину. Ведь теперь ей надо очень хорошо выглядеть, и Андрей не должен пугаться изменения её внешности.

Когда мама покрасилась, Андрей был в восторге. Не то чтобы ему нравился новый мамин облик, скорее, он был счастлив, что мамино лицо светилось радостью.

Теперь каждое утро, уходя на работу, мама оставляла Андрею задание. Из целой пачки рекламных журналов Андрей должен был выбрать страницы, где есть красивые дома и аккуратно вырезать их ножницами. Андрей старательно вырезал домики и к мамину приходу складывал их в пачку, поглаживая рукой. Он гордился своей работой и видел, как мама рада тому, что он выполнил ответственное поручение. Жизнь явно благоволила им, и мама с каждым днём становилась всё увереннее.

Андрей, увлечённый своим делом, достиг невероятной аккуратности в вырезании разных картинок, и мама уже не просила вырезать именно домики. Она просто была рада тому, что Андрей ей показывал. Мама особенно любила слушать его рассуждения о вырезанных картинках. Андрею же представлялось необыкновенно важным рассказать в конце дня о том, почему и как он вырезал из журнала эти картинки. Ему нравилось счастливое лицо мамы, слушающей его высказывания.

Так было до того дня, когда мама пришла домой в слезах. Она с порога рассказала Андрею, что с её карты украли все деньги, которых уже почти хватало

на дом в Михайловке. Сказав это, мама упала на кровать, и её страшные рыдания напугали Андрея. Не понимая, что с ним происходит, Андрей начал метаться из угла в угол, нервно размахивая руками над головой. Он чувствовал, что этот мир рухнул, и нет никаких возможностей вернуть его обратно. Отчаяние захватывало Андрея всё больше и больше. В какой-то момент он вдруг почувствовал тёплые руки матери, крепко прижавшие его к себе. В сознании промелькнул ароматный пряник, воображаемый домик в Михайловке и родной запах мамы, который поставил финальную точку в этом неприятном мелькании резких чувств и ощущений. Больше всего на свете Андрей хотел, чтобы подобное больше не повторилось никогда.

– Мама, а больше у нас не будут воровать деньги с карты, которые мы копим на наш домик? – спросил Андрей на следующее утро за завтраком.

– Нет, сынок. Больше не будут. Я буду хранить все деньги дома, и ты будешь охранять нашу мечту. Правда, мой хороший?

– Конечно, мама, я буду очень хорошо охранять. Только, пожалуйста, не надо больше плакать.

– Я не стану. Мы начнём всё заново, и ты мне поможешь, правда?

– Я буду вырезать все картинки, которые ты мне дашь, и постараюсь очень аккуратно. Это ведь поможет нашей мечте?

– Конечно, поможет, милый. Ты даже не представляешь, как я теперь буду спокойна на работе, зная, что ты так увлечён вырезанием картинок. Ты моё счастье. Я безумно люблю тебя, и пусть все говорят, что ты ничего не понимаешь. Я-то знаю, что ты понимаешь всё. Понимаешь больше, чем понимают другие. Просто ты видишь мир иначе, и нет в этом твоей вины. Ты можешь нести людям добро. А это могут не все.

Андрею нравилось, когда мама так говорила. Он старался делать всё, что просит мама, чтобы больше не расстраивать её.

Однажды, вырезав все картинки из журнала, Андрей немного заскучал. Ему понадобился новый материал для его работы, и он открыл шкаф в поиске новых журналов. Обнаружив в шкафу мамину сумочку, он нашёл в ней целую толстую пачку одинаковых оранжевых бумажек, перетянутых тонкой резинкой. На этих бумажках с одной стороны был изображён красивый мост, а с другой – памятник какому-то человеку. Андрей некоторое время думал, что интереснее вырезать – мост или памятник? Мост показался интереснее, и Андрей с воодушевлением принялся за работу.

К маминому приходу всё было закончено, но какое-то необъяснимое чувство тревоги не оставляло Андрея. Ему припомнилось, что он видел, как мама забирала похожие бумажки в банке и бережно прятала их в сумочку.

Когда мама вернулась с работы и увидела, что произошло, она не плакала. Просто присела на стул и долго молчала, а потом пошла на кухню и что-то сделала с газовой плитой, отчего в квартире стало очень неприятно пахнуть. Сначала Андрей испугался этого запаха, но мама обняла его и, уложив вместе с собой на кровать, стала шептать непонятные слова. Эти слова часто

повторялись, но Андрей так и не смог понять их смысл. Он спросил у мамы, но она лишь закрыла глаза и продолжала шептать.

Вскоре Андрей почувствовал, что засыпает, но сон его казался тяжёлым и неприятным. Постепенно нарастающий шум в ушах не давал Андрею заснуть. Тем временем, мама перестала шептать и замолчала. Андрей хотел спросить её, что будет дальше, но язык его не слушался. Почти провалившись в сон, Андрей услышал, как кто-то сильно барабанит в дверь квартиры. Он хотел разбудить маму, но почему-то не мог пошевелиться.

Через некоторое время раздался очень сильный треск, звон разбитых стёкол и громкие голоса. Андрей увидел перед собой дядю Славу из соседней квартиры и ещё каких-то людей в странной грубой одежде и серебристых касках. Дядя Слава тут же подхватил маму на руки и вынес на улицу. А остальные люди в касках открыли все окна и вынесли на улицу Андрея.

Там Андрею сразу стало лучше, к тому же его окружили соседи, которые наперебой что-то говорили, стараясь отвлечь Андрея от ярко-жёлтой машины с красным крестом, куда только что унесли маму.

Когда всё само собой утихло, дядя Слава забрал Андрея к себе домой. Он познакомил Андрея с большим лохматым белым псом Ричардом и чёрной кошкой Дианой, которые жили вместе с дядей Славой и были его семьёй. Андрей очень волновался и спрашивал, когда вернётся мама, но дядя Слава объяснил, что маме сейчас очень нужно отдохнуть и до её возвращения Андрей поживёт в гостях у Ричарда и Дианы.

Андрею нравилось, что дядя Слава жарит очень вкусную картошку и много рассказывает о животных. Он говорит, что все животные его братья и всегда понимают его. А вот люди, наоборот, очень часто дядю Славу не понимают. Андрею казалось это занятным, потому что он сам не понимал, что говорят животные. Правда, и людей понимал не всегда.

Ещё дядя Слава говорил, что мама Ангел. Это очень нравилось Андрею, потому что он знал, что Ангел – это кто-то очень хороший. А кто мог быть лучше мамы?

Через несколько недель вернулась мама. Она была так рада встрече с Андреем, что долго не могла выпустить его из своих объятий. А потом потянула его гулять в парк, где рассказала ему, что за последнее время очень много разговаривала с дядей Славой и безумно удивлена, что совсем не знала его раньше. Оказывается, дядя Слава ветеринар. Это такой доктор, который подбирает на улице больных животных и лечит их, так объяснила мама.

Ещё она рассказала, что дядя Слава очень хороший человек и давно мечтает уехать из города в деревню, чтобы построить там ферму и разводить лошадок. Просто раньше у него не было для этого хороших друзей и помощников, а теперь он предложил маме и Андрею ехать с ним, и она согласилась. Дядя Слава обязательно научит Андрея ухаживать за лошадами, и у него будет серьёзная взрослая работа.

Андрей слушал маму и облизывал сладкое эскимо на деревянной палочке. Все мечты обязательно рано или поздно сбываются, думал Андрей, и душа его ликовала.

Неожиданно страшная мысль промелькнула в голове Андрея. Он выронил из рук недоеденное мороженое и испуганно посмотрел на маму. Глаза Андрея были полны тревоги, он чуть не плакал.

– Мама, а как же Ричард и Диана? Мы же не оставим их здесь?

Мама рассмеялась и обняла Андрея.

– Конечно, не оставим, милый. У них тоже все мечты сбываются. Дядя Слава уже с ними договорился.

ВЛАДИМИР МОНАХОВ (Россия, Иркутская область, г. Братск)

Родился в 1955 г. в г. Изюм Харьковской обл. Украинской ССР. Поэт, писатель, публицист. Журналист. Автор многочисленных сборников стихов и прозы. Публикации в журналах «Арион», «Футурум АРТ», «День и ночь», «Крещатик», «Юность», «Дети Ра», «Плавучий мост» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Судьба».

ПОСТУПОК

– Так зачем же она приехала? – перебил я Татьяну Алексеевну.

– Поди разберись. Может, думала, живём богаче – да раздобреть, – и тут женщина вдруг затихла и круто зарделась. Каждая морщинка на лице наполнилась краской стыда от грубых, унижающих её достоинство слов. Она взмахнула рукой, словно отгоняя от себя проникающую в речь слабость, и стала торопливо оправдываться: – Да и то, что судить. Время горюшкино, послевоенное. На руках ребятишки. Вот и думалось ей, что, может, живём, куском хлеба не считаясь, того и гляди, детям отпадёт. Отец всё-таки, своя кровинка. Понять тоже надо заботу женскую, а не торопиться с осуждением, как с ружьём наперевес.

– Напрасно вы её защищаете, – сказал я категорично.

– Напрасно или не напрасно, а только зла в душе не держу, – так она рассудила давнее происшествие с высоты сегодняшнего дня.

Мы сидим в крохотной комнатёнке коммунальной квартиры, прозванной в народе «курятник». Стены подпирает резной, старинной работы шкаф; железная, с шишками, по нашим временам очень редкая кровать занимает половину площади; в довершение всего дубовый массивный стол, покрытый скатертью, да ещё сверху для сохранности полиэтиленовой клеёнкой, занял большую часть угла. Да ещё много-много фотографий, тронутых желтизной времени. Теперь ясно вижу то, что поначалу укрывалось от меня: в них неуловимый и зловещий смысл женского одиночества. Везде Татьяна Алексеевна в окружении подруг. Вот спортивная команда, женские курсы, делегатки конференции, институт, госпиталь. То же самое и в альбоме. И нигде нет её вдвоём с мужчиной. А жизнь этой хрупкой старушки с коротко остриженными седыми волосами, с чудом сохранившимся васильковым цветом глаз внушала уважение. Слушал её не перебивая. Татьяне Алексеевне не нужно задавать вопросов. Она рада-радёшенька возможности поговорить с человеком и охотно рассказывает о своей жизни, поднимая из кладовой памяти воспоминание за воспоминанием. Чувствовалось, что её не баловали особым вниманием. А послушать было что.

Дни минувшие – это работа в комсомоле, жуткие годы коллективизации, учительство, служба в военном госпитале, строительство линии Тайшет – Лена, города Братска. И только раз я нарушил стройность рассказа вопросом: а где дети, муж? Интимность вопроса не смутила Татьяну Алексеевну. Как говорила на одном дыхании, так и продолжила.

– А детишек мне иметь не довелось. Ведь и замужем по-законному не была. То училась, потом на преподавательскую работу послали в село. Я хоть сама девка сельская, а уже гордыня появилась. Учёной себя считала – не на каждого мужика и глядела. Хотя перебирать мне особо нечего было. Телом я справная вышла, а вот лицом не удалась. Не хватило красоты на всю. Это сейчас старых не различить: морщины всех уравнили. Ждала чего-то необычного. Только и скучать не приходилось. Работала много. Общественные дела занимали время.

За тридцать перевалило, а всё незамужняя. Не скажу, чтобы мужчины меня совсем сторонились. Находились, кто вниманием обласкивал. Но вот под венец не вели, как в старину говаривали. Дело прошлое, ворошить нечего. А тут война к нашим границам подкатила, закружило народ – не до личных дел стало. Всю войну в госпитале санитаркой пробыла. Потом дорогу железную строить направили. Определили меня заведующей в садик, поскольку образование педагогическое. Тогда я и познакомилась с Семёном Аристарховичем.

Он в заключении был. По навету пострадал. После войны честное его имя восстановили. Не скажу, чтобы он какими-то чувствами особыми ко мне воспылал. Откуда им взяться, коль человек так жизнью измотан, что живому ростку из души и за сто лет не пробиться, сколько его елеем ласки ни поливай. Но у меня от встречи с ним словно всё в груди воспламенело. Не в мои годы об этом говорить, а вот вспыхнуло что-то в сердце и греет душу необъяснимым теплом. Видать, в том тепле, что из меня лучилось, и Семён Аристархович начал от душевной зябкости отогреваться. Я уже возрасту почтенного была, к сорока годочки торопились. И ему за столько. Встречались мы множество раз, а однажды он ко мне зашёл и сказал как бы между прочим, что хотел бы остаться со мной. Я так словам этим обрадовалась, что словно без чувств на грудь ему упала и одним духом обо всех своих переживаниях ему доложила. Раскрылась, словно бы камень с сердца сняли.

– Вот и замечательно, – сдержанно говорит он мне, а сам по волосам гладит. Голубит. И так хорошо мне в эти минуты стало, что до сих пор помню ту ласку его скупую.

Так и зажили вместе. Я про него всё знала, ничего не утаил мой суженый о себе. И что жена у него где-то на Украине, и что двое детей с ней. Разыскивал, но все труды оказались напрасными. Да и то правда, такая война прошла. Утешала родимого как могла.

И радовалась счастью своему случайному, долгожданному. Если и бывает седьмое небо, то только тогда я о нём и узнала. Месяц прошёл в каком-то сладком угаре, второй, полгода. А когда спал первый хмель счастья, стала замечать, что какой-то кручиной-заботой он обеспокоен. Подсяду, обниму за плечи, начну расспрашивать. А он отмахнётся, так, мол, бывшее вспомнил, и сразу же на сегодняшний день разговор переведёт. А что бывшее-то? Дом ли? Жену? Детишек? Не уточнял. А может, тех, кто злое слово на него напустил. Но однажды после долгих дум таких открылся.

– Хочется мне, Танюрочка, детишек своих разыскать. Не верится, что нет их на белом свете.

– Так давай поищем вместе. Что же ты сердце себе рвёшь кручиной, думами бесплодными?

– Как искать? На месте нашего села пепелище. Люд – кто погиб, кто помер, а кто и по свету растерялся. У кого спросишь?

– Так ведь язык до Киева доведёт, старики бают. А в молчанку играть – сердце надрывать, – сжала я ему руку. Он даже от боли поморщился. Но из печали не вывела его.

Поднялся Семён Аристархович. Полез в свой чемоданчик. Достает конверты, верёвочкой перевязанные.

– Вот сколько их. И в каждом: не известно, не проживают, не значатся.

Бросил в сердцах. Верёвочка лопнула, и письма те казённые по комнате разлетелись. Метнулась я, как белка, их с полу собирать. А он быстрым шагом прочь пошёл. А когда вернулся, глянула я ему в глаза и напугалась – в них каждая прожилочка видна, краснотой налиты белки.

«Плакал!» – пронзила меня мысль. Никогда он при мне слабости не допускал. И тут старался скрыть, да глаза выдали.

С того дня стала я тайно от него письма во все стороны писать, семью разыскивать. Не может быть, думала, что след их совсем потерялся. Уж лучше знать наверняка, что погибли, чем душу неизвестностью кроить.

Ответы на работу приходили. Во всех одно и то же, как и в тех, что он мне показывал. Радоваться бы этому, а я всё больше кручинюсь, что не могу помочь. Подруги на работе знали, чем голова моя обеспокоена. Нет-нет, да и заведут как бы невзначай разговор, что сама себе верёвку для удавки намыливаю. Прямо так в откровенной заботливости обо мне и говорили. Не стеснялись. Что их судить, война многим души очерстила. Ведь не дай бог найдутся, уйдёт к ним, предупреждали меня, а ты опять одна-одинёшенька останешься. В молодые годы никто не позарился, а когда песком дорожки стало посыпать, и подавно никому не приглянешься. Сказать, что эти предупреждения не печалили меня, не могу. Сильно терзалась я в думах о своём будущем. Мучилась мыслью: вдруг найдутся, что тогда? Но успокаивала себя надеждой, что, может, жены и нет в живых, а детишек найти не грех. Это наш союз ещё больше скрепит, потому как к тому времени стало ясно, что своих детей я уже иметь не смогу. Перебрадили соки.

И вот через полтора года безуспешных поисков получаю письмо. Раскрыла, а в нём сообщалось: семья Семёна Аристарховича жива, здорова, и адрес. Я с пылу с жару письмо им отписала. Не много времени прошло – ответ получаю. Про свою жизнь сообщили и высказали желание к нам приехать, поскольку слыхали, что в Сибири жизнь полегче. Это насчёт харчей, конечно. Но вот с деньгами на дорогу туго у них.

В тот день и отдала Семёну Аристарховичу весточку от родных. Прочитал он её, красными пятнами покрылся. И уже без утайки разрыдался. Тягостное это зрелище, когда мужик слёзы льёт. Отвернулась, потому как саму слёзы душили, хотела из комнаты уйти, да он обхватил сзади, прижался.

– Что же ты наделала, Танюбочка? – говорит. И не поймёшь – радуется или осуждает.

Было собрался ехать к ним. Отговорила. Скажу честно, боялась, что уедет, и больше никогда его не увижу. Тогда отписал он письмо. Всё без утайки. Денег на дорогу послал. Вскоре и они пожаловали. Слёз было море разлитое. Со мной супруга его законная, правда, скупко поздоровалась. Оно и понятно, я ведь не родня, а соперница, хотя и помогла встретиться. В дом привели

с вокзала, стол накрыли. Детишек потчуют. По всему видать, не сладко им жилось. Худые-прехудые.

По дому кручусь, а к разговору прислушиваюсь. Да только мало он мне понятен. По-украински говорят. Но постоянно чувствую на себе пристальный взгляд жены Семёна Аристарховича, догадываюсь, что о главном не говорят, всё вокруг да около, деликатничают. А главное – это о нас. Как дальше быть? Негоже русскому мужику при двух бабах состоять. Да и от детей своих не отрекался. Право дальнейшую судьбу решать – за Семёном Аристарховичем. Вот и ждём, когда он разговор в волнующем нас русле зачнёт. А он всё оттягивает и оттягивает.

Лишь детишкам наша тайна скрыта. Радуются отцу, хоть и не знают его как следует. Малы были, когда его забрали по навету. Но в первый день конфуз вышел, который и решил наши судьбы.

Мальчонка возьми да и скажи по простоте душевной:

– Тату, тату, а у нас братик е! – не успел он и договорить, как мать с размаху так хряснула его по затылку, что он, бедный, со скамьи слетел.

– Нэ бреши, чога не слид! – пригрозила.

– Что за братик? – посуловел Семён Аристархович.

– Та сим рокив ему, – боязко огляделся на мать сын, но не смог не ответить на вопрос отца.

– Та хлопця чужого пригрила. Ще в вийну, – стала поспешно объяснять жена, а глаза в сторону повела. – Жалко дуже стало. Згинув бы без мене.

Снова разгладилось в доброй улыбке лицо Семёна Аристарховича. Да мальчонка не удержался и тут же разоблачил мать.

– Де ж ты его пидибрала, коли з таким пузом ходыла, – и он заблаговременно отскочил в сторону и показал руками, каким было это пузо.

А с кем его оставили, почему сюда не привезли? – повернулся Семён Аристархович к жене.

Та отвела в сторону взгляд, поднялась из-за стола. И тут снова вмешался сын. Видать, у них с матерью на этой почве большой разлад был.

– Так вин з батьком зостався. У нас батько е.

Резко поднялся Семён Аристархович из-за стола, даже миска на пол слетела. Страшными глазами на жену посмотрел. Та не выдержала этого уничтожающего взгляда и выскочила из комнаты прочь. Семён Аристархович следом пошёл. О чём они там говорили – не докладывал. Но детишки мне всю правду выложили. Что живут они с отчимом. И это он надумил их сюда приехать. Говорил, что в Сибири живут богато. Отец для детей ничего не пожалеет – обуе, оденет, денег ссудит. То-то, гляжу, они, как оборвыши, приехали. Так что это всё с умыслом делалось, оказывается.

– Так зачем же вы её защищаете? – вот тогда не выдержал я и спросил с вызовом Татьяну Алексеевну.

– Да не защищаю я её, – рассердилась на меня Татьяна Алексеевна. – Думать не хочу о ней. Недостойна она такого человека, как Семён Аристархович. Знал бы, что потом было. Домой ехать собралась, потребовала огромную сумму

на детей, мы и в руках отродясь такой не держали. Но собрали сколько можно, по соседям прошлась я. Одежду справили, продуктов дали. А она всё требовала и требовала. Всё мало казалось. Всё отдали. Проводил Семён Аристархович детей на вокзал, домой вернулся. Долго молчал. А потом как-то и сказал:

– Не могу я без детишек, Танюрочка. Поехали к ним поближе.

– Да что ты, – испугалась я. Ведь дальше Иркутска сроду не была. А тут такая даль. Люди чужие. – А если тебе сердце подсказывает, ты едь. Может, в родных местах боль легче переноситься будет.

– А ты как же?

– А что за меня беспокоиться. Среди людей не пропаду.

Говорила это жалобно, стараясь сердце его растревожить. Но не смогла. Уехал. Потом писал, что сошёлся с женой. Второй муж у неё по торговой части, на руку оказался нечист. Вот и отправили к нам на перевоспитание. Да только и сквозь строчки пробивалось, что радости промежду ними нет. Посылки присылал, яблоки и груши в них. У нас в Сибири такого добра не водилось. А потом стал только к празднику открыточки присылать. Последний раз с Новым годом поздравил и затих. А беспокоить вопросами я не стала. Да только сердцем почувствовала, что помер он. Меня никто не уведомил, а надоедать родным его я не стала.

Потешались надо мной знакомые, факт. Правда, за глаза.

Открыто лишь сочувствовали, жалели. А я храбрилась, духом не падала. Поначалу скучала сильно. Тоска сердце ела, что так трудно сложившееся бабье счастье в один миг разлетелось, словно зеркало, да ещё сама подтолкнула к этому. Но дороже мне всё же была мысль, что нашла моему ненаглядному детишек, что не остался он в этом мире безродным. Ведь только детишки и могли дать ему в этой жизни, так неудачно скроенной, просвет.

В думах и делах старость накатила. Одно осталось впереди – воспоминания. И я часто вспоминаю Семёна Аристарховича. И лишь об одном жалею, что не спромоглись мы с ним с детишками. А ведь, казалось, друг для дружки были вытесаны. Ну, да что ворошить, и так много наговорено. Ой! – только сейчас она заметила, что весь её рассказ я записал себе в блокнот. Она сердито ударила по ручке, отбросив блокнот. – Пишешь-то зачем? Доверилась тебе в душевной слабости, а ты и воспользовался. Теперь перед народом выставишь. Оно ведь и нынешние скажут, что старая глупость учинила.

– Не скажут! – попытался я защитить своих сверстников.

– Не защищай, не защищай. Я хоть и стара, но из ума ещё не выжила, – с горькой иронией произнесла Татьяна Алексеевна.

...И я промолчал. Глупо говорить за тех, кто ещё ничего в жизни не сделал.

АНДРЕЙ ПУЧКОВ (Россия, Красноярский край, г. Сосновоборск)

Пучков Андрей Викторович родился 24 июля 1963 года в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии в 1984 году служил в МВД на различных должностях. В 2006-м вышел в отставку. Автор двух романов и множества рассказов. Рассказы печатались в журналах «Российская литература», «Современная литература России», «День и ночь», «Енисей», «Белая скала», «Сура», публиковались в коллективных сборниках издательств «Перископ-Волга», «Дикси-Пресс» и др. Член Международного союза русскоязычных писателей. Призёр (2 место) в конкурсе «Большой финал» в номинации «Сказка – ложь, да в ней намёк» (2019); лауреат (1 место) в номинации «Проза» Международного литературного конкурса «Русская душа», посвящённого 90-летию В. М. Шукшина (2019); лауреат (1 место) литературного конкурса Русского космического общества «Империя Человека: Эра Косматики» (2020); победитель конкурса, посвящённого противодействию идеологии терроризма и экстремизма в номинации «проза» (2020); 3 место Международной Литературной премии «Простак за границей» имени Марка Твена (2021); финалист Международной литературной премии «Ступень к Парнасу» (2021). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Дело».

BINNENSEE

Деревня выглядела вымершей. Тишина стояла ненормальная, и это меня напрягало. Очень напрягало. Даже петухов слышно не было! То ли съели их всех, то ли они, несмотря на свою дурость, сами попрятались от греха подальше. За четыре года войны я уже привык к постоянному грохоту, и если он вдруг прекращался, значит, надо ждать беды. Значит, фрицы что-то придумали!

Я опустил бинокль и задумался. Эта деревня и на деревню-то похожа не была. Этаким городок в миниатюре, где маленькие домики идеально ровно выстроились вдоль дороги. Возле каждого дома палисадничек с оградкой, высотой до колена, через жёрдочки которой перевешивается давно некошенная сухая трава. Да и сами дома без присмотра, как оспой, покрылись пятнами от обвалившейся краски. Некому стало следить за их внешним видом – война сказала. Невозможно от войны уберечься, отойти в сторонку и переждать. Везде она достанет и возьмёт своё, столько возьмёт, сколько ей потребуется.

Название у этой деревушки было странное – «Binnensee», или, если по-нашему, – «Озеро». Странное в том смысле, что ближайший водоём, согласно карте, находился от неё в двадцати километрах. И то это была небольшая речка. Непонятно, причём тут озеро?

Но самыми необычными мне казались заасфальтированные улицы. Ладно бы если это одна такая деревня была. Так нет же, много таких, кукольных и аккуратных. Не первый день на германской земле воюем, успел уже кое-что посмотреть и сравнить. Наши «мягкие» деревенские дороги явно проигрывали германским.

– Почему вперёд не идём? Почему застряли здесь? – подошёл ко мне замполит батальона майор Рябов и, оглянувшись на укрывшихся за деревьями бойцов, повторил:

– Почему вперёд не идём? Ждём чего?

– Не нравится мне здесь, товарищ майор! Тихо уж больно...

– Да плевать я хотел на тишину, – вызверился вдруг майор, – командуй взводу вперёд! Какого чёрта тебе ещё надо?!

Я посмотрел в узкое, покрывшееся красными пятнами лицо замполита и, встретившись взглядом с его блеснувшими под козырьком фуражки глазами, отвернулся. Невозможно было выдержать его взгляд – глаза были мёртвыми, тёмные провалы и всё, жизни в них ноль. Сам вроде психует, а глаза без проявления каких-либо эмоций. Я знал всех своих бойцов, с самого начала войны они были со мной. Многих ребят, конечно, потерял, но я уже с одного взгляда научился определять состояние человека и что можно от него ожидать. Что ждать от майора в его нынешнем состоянии, было непонятно.

Срываться он начал год назад, когда ему сообщили, что вся его семья погибла под одной авиабомбой. Вся! Одним махом. Родители, жена, двое сыновей. После этого он стал нервным, психованным, часто повышал голос, и руки у него стали заметно подрагивать. Он знал об этом и прятал их за спину.

– Подождём ещё, понаблюдаем, послушаем, – спокойно ответил я и, опять мельком глянув в лицо замполиту, примиряющим тоном закончил:

– Ещё надо подождать на всякий случай, а потом и зайдём. С двух сторон зайдём...

– И так видно, что немцев в деревне нет! – рыкнул майор и, зло сплюнув, сел на землю, привалившись спиной к дереву.

– В этой деревне все немцы, – пробормотал я и опять поднёс к глазам бинокль.

Замполит оказался привязанным к моему взводу случайно. Можно сказать, что оказался не в том месте и не в то время. А может, и наоборот, именно с нами он и должен был оказаться, кто знает?

Наш полк получил приказ окружить небольшой городок, в котором, по данным разведки, укрылись полторы сотни фрицев, да и те находились в состоянии, близком к панике, и готовые к сдаче. В связи с этим замполит и обходил вверенные его политической заботе подразделения.

Разведка опростоволосилась! Но, как я подозреваю, никто уже глубоко и не копал. Не то это было место, чтобы тратить на него время и силы. Так, поверхностно прошлись, обнаружили наличие кое-каких войск и, решив, что одного полка будет более чем достаточно, откомандировали нас на зачистку. Немалую роль, конечно, сыграло то, что война уже неделю как закончилась, и фрицы не могли не понимать, что они обречены.

Получили мы конкретно! Сначала прямо из города, с улиц по нам ударили из крупнокалиберных пушек, укрытых за дощатыми щитами. Издалека, если смотреть, домик как домик, потом щиты падают, и начинается!.. А затем, когда, по-видимому, у них кончился боезапас, при поддержке нескольких «тигров» на прорыв ломанулись хорошо вооружённые и не помышлявшие о сдаче эсэсовцы. Удар пришёлся в аккурат между позициями двух взводов, и мне, чтобы сохранить людей, пришлось дать им дорогу, отведя взвод в сторону. Благо что сразу после этого пришёл приказ – не пытаться фрицев удержать, а выпустить из кольца и дать уйти. Мол, чёрт с ними, потом добьём, никуда они не денутся. Слава богу, научились уже людей беречь, не то что, помнится, в начале войны.

Фашистов оказалось на удивление много, и чем шире становился клин, тем дальше мне приходилось отводить взвод, в котором волею войны оказался и замполит батальона, прибывший с разъяснением текущего момента.

Время шло, всё было спокойно, засиживаться здесь было не в наших интересах. Но и обойти деревню стороной я не мог, а ну как в ней тоже войска окажутся? Ударят нам в тыл, беда будет! Откатились мы недалеко, километров на пять, не больше.

Пора! Аккуратно уложив бинокль в футляр, я оглянулся и, зная, что старшина обязательно будет где-то рядом, негромко позвал:

– Семашко!..

– Я, товарищ капитан! – высунулся из-за соседней сосны командир первого отделения и, оглянувшись, поправил сбившуюся на затылок пилотку.

– Вместе с отделением поступаешь в распоряжение майора. Обойдёте посёлок лесом и пощупаете, что там, с другой стороны. На рожон не лезьте, действуйте аккуратно и тихо, если что, сразу отходите!

– Ясно, товарищ капитан! – кивнул старшина и посмотрел на сидящего под деревом замполита. Тот, словно не слыша нашего разговора, отрешённо глядел прямо перед собой и рвал траву. Захватывал пальцами по несколько травинок, отрывал их и бросал, и так раз за разом – отрывал и бросал, отрывал и бросал.

– Товарищ майор! – повысил я голос. – Вы как, остаётесь со мной или с отделением идёте в обход деревни?

Тот молча поднялся, отряхнул руки, одёрнул гимнастёрку, привычным движением поправил выдавшую виды фуражку с помятым козырьком, а потом сказал:

– С отделением, – и, не оглядываясь на потянувшихся следом за ним бойцов, скорым шагом направился в лес.

– Приглядывай там за ним, – понизив голос, попросил я старшину, – не нравится мне его состояние, как бы чего не натворил!

Старшина кивнул и, перебросив автомат за спину, побежал за скрывшимся за деревьями замполитом.

Я посмотрел им вслед и вздохнул. Майор был смелым воином, в тылах не отсиживался, за спины солдат не прятался. Не один раз бойцов в атаку поднимал. Не зря же на его гимнастёрке красуются орден «Красной звезды» и медаль «За отвагу», да и к бойцам он относится по-человечески. Даже свой командирский паёк никогда сам не получал, распорядился, чтобы его сразу же передавали в окопы.

Уничтожает война людей. Не только жизни у них забирает, но и души выжигает. Обугливаются людские души, перестают жизнь чувствовать. Умирают. Так, посмотришь, вроде человек как человек – ест, пьёт, спит – всё как обычно. Приглядишься повнимательней – понимаешь, что выгорел человек, ушёл из нашей жизни, чужим стал.

Подождав ещё минут тридцать, обернулся к своим бойцам и негромко скомандовал:

– Вперёд!

* * *

Мы уже минут сорок шерстили деревню. Заходили в каждый дом и осматривали его. Жителей на удивление было много! Но среди них взрослых мужчин не было, только женщины, дети и старики. Они, как правило, собирались все вместе в одной комнате и с ужасом наблюдали за обыскивающими дом бойцами.

По всей вероятности, люди перебрались сюда из городов. Спасался народ от боёв, пришедших вместе с войной и уничтожающих всё на своём пути, не разбирая, казарма это или жилой дом, блиндаж или школа.

Время шло, и я всё больше и больше убеждался в том, что кроме гражданских лиц, в деревне никого нет. Мы уже прошли почти всю деревню, когда прямо перед нами на соседней улице вспыхнула ожесточённая стрельба.

– Давайте за мной! – скомандовал я, и, привычно прижимаясь к домам, пригнувшись, побежал в сторону не на шутку разгоревшейся перестрелки.

Стреляли возле кирхи, которая находилась на небольшой площади. Я уже видел её остроконечную верхушку, когда почти одновременно грохнули два гранатных взрыва, и стрельба прекратилась.

– На площадь никому не высовываться! – приказал я, осторожно выглядывая из-за угла дома, стоящего прямо напротив церкви.

Перед дверями кирхи полукругом были уложены мешки, из которых через многочисленные пробоины тонкими струйками высыпался песок. За мешками находились мои бойцы, ушедшие с майором, часть из них, осматриваясь, выглядывала из-за баррикады, а трое топтались возле дверей кирхи.

– Свои! Не стрелять! – заорал я и, подняв руки, вышел из-за дома.

– Давайте быстрее сюда! – закричал один из бойцов и замахал мне руками, поторапливая.

– Что тут у вас? С эсэсовцами, что ли, сцепились? – кивнул я в сторону тела, одетого в чёрную форму, облепленную опознавательными знаками войск «СС».

– С ними, с тварями! – выругался Семашко и, ткнув пальцем в труп, добавил:

– Их четверо было. Если бы не гранаты, до сих пор бы, наверное, возились. Умеют воевать, сволочи!

– Все целы? А где майор? – спросил я, осматриваясь.

– Все!.. А майор там, в госпитале, – кивнул старшина в стороны кирхи.

– Это что, госпиталь у них был, что ли?

– Почему был? – удивился Семашко. – Он и сейчас есть, я там раненых видел.

– А майор...

– Там он, внутри, – пожал старшина плечами, – один из фрицев раненый внутрь заполз, майор зашёл следом и.. в общем, добил он немца. А потом подобрал его автомат, приказал нам всем выйти и закрылся изнутри.

В это время из кирхи раздалась короткая очередь, а потом, через некоторое время ещё одна.

– Твою ж мать, майор! Что же ты творишь-то!.. – выругался я и скомандовал. – Старшина, надо двери открыть, навалитесь-ка толпой на неё, а то политрук со злости там наделает делов!

Бойцы навалились на двери впятером, но та не поддавалась. Дверное полотно было добротное, на совесть сработанное, да ещё и обитое металлическими полосами.

– Отойдите все подальше! – скомандовал Семашко и, отступив от двери, выпустил по замку длинную очередь из своего ППП.

Взвизгнули от ricochetившие от металла пули, брызнула во все стороны щепы. Старшина, перехватив поудобнее автомат, примерился и изо всех сил ударил в дверь ногой. Дверь распахнулась, и сразу же в глубине здания раздалась ещё одна очередь, а следом за ней ещё.

– Назад! – приказал я рванувшимся было вперёд бойцам. – Чёрт его знает, что у него сейчас на уме! Сам пойду, поговорю!..

Изнутри кирха оказалась довольно просторной: лавки сдвинуты к одной из стен, и всё освободившееся от них пространство занимали металлические кровати, между которыми валялись окровавленные простыни, одеяла, бинты и какие-то тряпки. Было видно, что помещение покидалось в спешке, и о соблюдении порядка никто не думал.

Я остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку и, услышав за спиной шаги, обернулся. С десятков бойцов во главе с Семашко стояли за моей спиной. Я махнул рукой: «чёрт с вами, оставайтесь», – и медленно направился к стоящему возле кровати майору.

Успел сделать с десятков шагов, когда майор неторопливо поднял автомат и, прежде чем я успел закричать, выстрелил, сделав короткую, на несколько патронов, очередь.

– Майор! Отставить! Прекратить! – всё-таки заорал я и рванул к замполиту. Тот, не обращая на меня внимания, спокойно прицелился в лежащего на кровати человека и опять дал короткую очередь. Я остановился за его спиной и прошептал:

– Что же ты натворил, майор...

Замполит бросил автомат на пол, повернулся ко мне и засмеялся.

– Всё! Это был последний, – подойдя ко мне, сказал Семашко, – шестеро их было, лежачих, я успел сосчитать, прежде чем майор приказал нам выйти.

Майор уже не смеялся, он стоял, подняв голову вверх, и улыбался, губы его шевелились, как будто он с кем-то разговаривал.

– Товарищ майор! – окликнул я его, но он словно меня и не заметил, он вообще никого не замечал. Мне показалось, что он чего-то ждёт, вглядываясь в высокий потолок кирхи.

Обойдя меня и Семашко, к замполиту подошёл прибывший с последним пополнением молодой боец по имени Гриша, он несколько секунд внимательно смотрел на майора, затем навёл свой автомат ему в грудь и нажал на спусковой крючок.

Дёрнулся, басовито рыкнув очередью автомат в руках бойца, и майор, сделав назад два маленьких шага, словно его кто-то сильно толкнул в грудь, раскинув руки, упал на спину. Он так и смотрел вверх, улыбаясь, когда к нему подошёл старшина, опустился рядом с ним на колени и, проведя ладонью по его лицу, закрыл глаза.

– Зачем?.. – посмотрел я на Гришу.

– Я видел, как убивают раненых!.. – хриплым шёпотом ответил парень. – Видел!.. Ещё тогда, в самом начале. Я помогал в госпитале. Фашисты шли вдоль кроватей и стреляли в раненых. Шли и убивали... спокойно, не торопясь.

Я слышал их голоса, видел их лица. Фашисты. Они не должны жить. Я под кроватью спрятался. Меня не увидели. Майор убил раненых. Он тоже не должен жить.

Вот так вот. Что можно на это ответить?! Ничего!

Я мог бы удержать его, не дал бы выстрелить, но не стал. Бойцы его тоже не удерживали, хотя и видели, что он собирается сделать. Значит, они думают так же, как и он: «Фашисты убивают раненых. Если ты убил раненых, значит, ты тоже стал таким же, как и они. Поэтому не должен ты ходить по этой земле».

Всё правильно. Логика простая и прямая как штык. В ней нет места для закоулков, в которые можно забрести и, с удобствами устроившись, поговорить, порассуждать о бытии да поспорить о правых и виноватых. Штык – он всё расставляет по своим местам.

– Семашко! – окликнул я старшину. – С майора надо снять форму, тело вынесем за деревню и похороним в лесу. Форму, документы и планшет политрука сжечь. Да, ещё, чуть не забыл! – спохватился я, когда старшина с двумя бойцами направился к телу майора. – Тело убитого фрица подтащите к кроватям и положите рядом с ним автомат, из которого майор стрелял.

За кирхой сложили костёр из разломанных заборных штакетин, и я, присев рядом с ним на корточки, наблюдал, как пламя жадно заглатывает вещи, когда-то принадлежавшие хорошему человеку. Смелому воину. Любящему мужу и отцу. Человеку, отдавшему этой войне всё! Даже собственную душу!

– Товарищ капитан! Всё сделали. Получается так, что этот ээсовец вроде как сам своих раненых перед смертью перебил. Можем выступить, – доложил старшина и, понизив голос, спросил:

– Вы что-нибудь скажете перед выходом?

– Обязательно скажу, старшина, но не сейчас, попозднее.

Тело майора закопали в километре от деревни, в небольшом леске. Перед тем как двинуться дальше, я построил взвод и предложил почтить память погибшего от прямого попадания крупнокалиберного снаряда майора Рябова. Никому из бойцов ничего объяснять не надо было – все всё понимали. Если бы политрук вернулся с нами, его бы расстреляли за то, что он совершил, и в памяти людской он бы остался как убийца беззащитных людей. Он понёс за это наказание и умер.

Я был уверен в своих бойцах, никто из них не проговорится, и майора будут помнить как воина, погибшего на поле боя. Светлая ему память!

МАРИАННА РЕЙБО (Россия, г. Москва)

Марианна Рейбо (Марговская Марианна Григорьевна) – прозаик, публицист, к. филос. н. Окончила журфак и аспирантуру философского факультета МГУ. Автор книг прозы «Письмо с этого света» (2015), «НАНО» (2018). Обладатель международной премии «Литературный Олимп». Дипломант конкурсов «Русский Гофман», «Веское слово», лауреат журнала «Зинзивер», газеты «Литературные известия». Член Союза писателей России, Союза журналистов Москвы, Союза писателей XXI века, Международного союза писателей Иерусалима. Публиковалась в журналах «Нева», «Причал», «Знамя», «Зинзивер», «Дети Ра», «Наука и религия», «Российский колокол», «Литературный Иерусалим», газетах «НГ-Exlibris», «Литературная газета», «Литературные известия», «Литературная Россия». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Абсолют».

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОЩЕЧКА

Откинувшись на подушки в полумраке одинокой комнаты, я закрываю глаза и снова вижу её. Вижу смуглые колени, мелькающие из-под белизны поддёгнутой юбки, её тонкие щиколотки, игриво рассыпающие брызги у берега мутной реки Тэдонган... Лёгкость и свежесть – вот чем была Юонг. Когда я приходил в её игрушечный домик с тёмной черепичной крышей, она усаживала меня на татами из золотистого тростника и бесшумно раздвигала сёдзи, впуская в комнату зелёный шелест летнего сада. Усыпанный цветами куст жасмина, росший возле дома, в тот же миг заполнял собою воздух, и благоуханье нежных лепестков навсегда связалось у меня с трепетом первой любви и горечью первой потери.

Это было без малого семьдесят лет назад. Мой отец, полковник Советской армии, служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Осенью 1945 года, когда Квантунская армия была разгромлена нашими войсками, а Маньчжурия и Северная Корея освобождены от японской оккупации, его направили торговым представителем в главный город страны Утренней Свежести, Пхеньян. Два года спустя, когда мне исполнилось тринадцать лет, к отцу переехали и мы с матерью. Нас поселили в небольшом особняке, прежде принадлежавшем японскому генералу, а теперь перешедшем в распоряжение советской миссии. После долгих месяцев голода и лишений, пережитых нашей семьёй в дальневосточном Уссурийске, я с особой остротой впитывал открывавшуюся мне южную сказку, полную причудливых запахов и красок. И сегодня, словно наяву, в лучах закатного солнца встают передо мной изумрудные вершины Алмазных гор, а по мерцающей водной ряби гордыми лебедями проплывают белые лотосы в обрамлении огромных листьев.

Живя при посольстве, мы старались избегать контактов с коренным населением, поскольку знакомства такого рода могли навлечь неприятности, однако я мог свободно общаться с детьми из русскоговорящих корейских семей, недавно переехавших на историческую родину с Дальнего Востока, из Казахстана и других областей. Вместе с ними я начал посещать школу, а когда приблизилось время летних каникул, узнал, что некоторые из моих корейских одноклассников записались в кружок живописи, который недавно открылся в доме старого местного художника. Поскольку у меня было врождённое стремление к рисованию, я загорелся желанием посещать эти занятия, и после непродолжительных препирательств отец отвёл меня в серую фанзу с маленьким изящным садом. Учитель рисования, сухонький старичок в белых одеждах и чёрной волосяной шапочке, почти не говорил по-русски, но блестящие угольки его глаз, казалось, видели тебя насквозь и без слов. Слегка поклонившись моему отцу в знак приветствия, он оглядел меня с ног до головы, улыбнулся и, задумчиво погладив реденькую седую бородку, жестом пригласил меня пройти в дом.

Сняв у порога обувь, я прошёл в комнату, где полдюжата учеников, сидя на татами, сосредоточенно рисовали цветными мелками на грифельных

дощечках. Тот день стал для меня первым из многих счастливых дней, которые я провёл за рисованием в этом благословенном доме. Чтобы дать простор нашему воображению, учитель раздвигал пергаментные сёдзи на передней стене, расстилая перед нами лоскутное одеяло таинственного Востока. Ломаные изгибы карликовой сосны возле фасолины бетонного бассейна, розовое кружево цветущего миндаля, размытые очертания холмов в голубоватой дымке горизонта – всё это, проходя сквозь душу, рождалось вновь под кропотливыми пальцами юных художников.

В один из дней, в который раз рисуя сад учителя, я оторвал взгляд от грифельной доски и вдруг увидел белого мотылька, летящего по извилистой дорожке прямо мне навстречу. Помахивая синей матерчатой сумкой, мотылёк вприпрыжку приближался к дому, отдавая на забаву ветру шёлковые ленты короткой кофточки и разметавшиеся по плечам блестящие чёрные косы. В Корее я каждый день видел грациозных черногривых девиц в белых одеждах, нёсших в больших кувшинах колодезную воду или выбиравших на рынке свежую рыбу. Но тут впервые что-то неведомое, как штормовая волна, накатило на меня, и, оглушённый порывом, я одним махом стёр с доски начатый было эскиз. На миг зажмурившись, чтобы остановить мгновенье, я в несколько штрихов набросал струящуюся с неба каменистую дорогу и летящий по ней силуэт незнакомки. Склонившись у меня над плечом, учитель одобрительно кивнул, властной рукой забрал мою дощечку и поставил её на полку инкрустированного перламутром шкафа.

Изо дня в день начал я выжидать появления своего мотылька, приходя раньше других учеников и ища возможность как можно дольше задержаться. И действительно, вскоре я вновь увидел её, а потом ещё и ещё. Не решаясь подойти, я издали следил за нею, играющей в саду или гуляющей по набережной Тэдонган, и втайне молился, чтобы кто-нибудь напал на неё, а я бы её спас, или чтобы она упала в свинцовые воды реки, а я нырнул бы следом и вытащил её на берег.

Как-то раз, ведомый страстью, я крался следом за дамой своего сердца вдоль торговых рядов, мастерски прячась за ширмой лавок, предлагавших многообразие душистых пряностей и благовоний, орехов и фруктов, статуэток Будд и украшений. Остановившись у прилавка с морепродуктами, девочка купила кулёк сушёных кальмаров и начала жевать их прямо на ходу, подобно тому, как наши школьники жуют конфеты или тянучки, спеша перебить аппетит перед обедом. Ни на минуту не упуская её из виду, я пересёк рынок и проследовал за ней до фонтанчика, освежавшего раскалившийся от солнца воздух звенящими водяными струями. Девочка присела на край фонтана, положила синюю сумку себе на колени и, неожиданно обернувшись в мою сторону, пустила мне в глаза солнечного зайчика, отскочившего от медной поверхности браслета на её запястье.

– Зачем ты всюду за мной таскаешься? – спросила она строго на чистом русском языке, без улыбки глядя на мою нелепую, заледеневшую от ужаса фигуру.

– Аннён Хасимникка! – только и смог выдать я из себя, мечтая сейчас же, немедленно провалиться сквозь землю.

При виде моего отчаянного положения незнакомка не удержалась, и смех задрожал на её губах, рисуя на щеках две симпатичные ямочки.

– Меня зовут Юонг, Ким Юонг. – Она смело протянула мне свою тонкую ручку ладонью вверх. – Я знаю, ты ходишь на уроки рисования к моему дедушке.

Так начались наши тайные встречи. После занятий, делая вид, что собираюсь уходить, я тихо прокрадывался в комнату Юонг или же вечерами, сбежав из дома, с замиранием сердца ждал её у калитки сада, и мы шли гулять под звёздами на опустевшую набережную. Нигде и никогда больше я не видел таких звёзд. Они казались огромными, и благодаря малой освещённости улицы можно было в мельчайших подробностях разглядеть всю звёздную карту и серебристую дорожку Млечного Пути. В одну из таких прогулок Юонг рассказала, что в Пхеньяне она живёт немногим дольше меня, а до этого они с отцом жили на северо-востоке Китая в Харбине. Отсюда и её виртуозное владение русским языком, ведь после Октябрьской революции Харбин стал прибежищем для многих семей белогвардейцев, и к моменту появления Юонг на свет был практически русским городом.

– А твоя мама? – осторожно спросил я, терзаемый нехорошим предчувствием.

– Мама... Мамы нет. Я... Я убила её.

Девочка подняла глаза к небу и с силой закусил губу, чтобы не заплакать. Оказалось, двумя годами ранее Юонг заболела туберкулёзом лёгких. Её мать, не смыкавшая глаз над постелью больной, тогда чудом выходила её, но сама заразилась и умерла. Потому-то, после того как в августе сорок пятого Харбин заняла наша Дальневосточная армия, отец Юонг, наслышанный о частых рецидивах туберкулёза, получил разрешение отправить дочь в Корею к деду – в более подходящий климат, а главное, подальше от тяжёлых воспоминаний.

– Мы, корейцы, верим, что душа умершего покидает этот мир только после смены четырёх поколений, – продолжала рассказ Юонг, – а потому я знаю, что моя мама по-прежнему рядом со мной.

Она задумчиво, как-то по-особенному заглянула в моё посуровевшее от бремени её слов лицо и, выдержав паузу, добавила:

– И если я умру первой, я тоже всегда буду рядом с тобой.

– Замолчи!

Меня вдруг обуяла злость. Отпрянув от своей спутницы, я вынул из кармана перочинный ножик, который по привычке всюду носил с собой, и с силой запустил его в раскидистое дерево гинго белобы, росшее посреди аккуратной зелёной полянки.

– Я тебя разозлила?

Она осторожно тронула меня за плечо, но я с раздражением скинул её руку.

– Нет. Просто пора домой.

Я выдернул нож из древесной раны и ускорил шаг. Я чувствовал, что Юонг слегка оробела, но старалась идти со мною в ногу.

– Не сердись! Дай ножик. Ну дай.

Пожав плечами, я остановился и протянул ей своё холодное оружие. Потрогав острие и убедившись, что оно заточено, Юонг ловкими пальцами начала расплетать свою роскошную косу и, отделив одну прядь, чиркнула по ней лезвием. Затем она вложила отрезанный локон мне в руку.

– Держи. На память.

– Вот ещё глупости!

Я сварливо сморщился, но незаметно сунул шелковистую чёрную прядь в карман вместе с ножиком. Около её дома мы скомканно попрощались. В ту ночь мне снились плохие сны.

Мои родители лишь вздыхали и разводили руками – в то лето я стал совсем неуправляемым. Целыми днями я где-то пропадал, не заходил домой даже пообедать, а вместо этого уплетал в гостях у Юонг изумительную квашеную капусту кимчи с острым привкусом моллюсков. Если же голод заставлял нас в круговерти городских улочек, мы перекусывали сладким бататом, который корейки готовили на жаровнях в широких плоских корзинах, стоявших на полотняных валиках прямо у них на голове. Юонг выбирала бататы поподжаристей, почти обугленные. Я смеялся, глядя на её перепачканные в золе губы, и она весело заливалась в ответ, сверкая жемчужными зубками и чёрным миндалём раскосых глаз. И всё же нам пришлось расстаться – ненадолго, всего на неделю родители увезли меня из города.

Когда я вернулся, в Пхеньяне бушевал тайфун. И днём и ночью растерзанное небо сыпало молнии, земля утопала под ливнем, так что невозможно было выйти из дома, и я не видел Юонг, не знал, что с нею. К концу третьего дня я не выдержал и, скача под ледяными струями как заяц, мокрый до нитки добежал до дома учителя. Что-то страшное распирало грудь, не давая нормально дышать. Я толкнул калитку. Залитый лужами сад казался тусклым и осиротевшим. Побитые ливнем цветы на кустах опустили головки, вода в бассейне помутнела, не слышно было щебетанья птиц. Сёдзи были плотно сомкнуты, сколько я ни звал, никто не открыл мне – дом стоял пустой.

Предчувствия не обманули меня. Вскоре я узнал, что Юонг увезли в больницу с открытой формой туберкулёза. Новостей не было долго, пока, наконец, однажды вечером в серой фанзе не загорелся свет. Всё моё нутро кричало, что нужно скорее бежать туда, узнать, что с Юонг, но предательские ноги отказывались идти, парализованные страхом. Тогда я упросил отца сходить и узнать, как обстоят дела. Отец вернулся хмурый. Он долго чиркал спичкой, закуривая сигарету, потом, глядя куда-то в угол, приблизился и опустил ладонь мне на плечо.

– Её домой привезли. Плохо дело, брат.

Услышав его слова, мать охнула и прикрыла лицо руками, потом подошла ко мне, желая обнять, но я вырвался и побежал прочь из дома.

Очень резко, как через лупу, я видел в темноте каждый камень на дороге, каждую ветку пронесившихся мимо деревьев. Сёдзи в комнатке Юонг были по-прежнему плотно сомкнуты. Я глотнул воздуха, и, раздвинув щель, пролез

внутри. Она лежала на татами, плотно закутанная в одеяло, чёрным воронёнком утопая в подушке. Опустившись на пол возле, я не мигая смотрел в её запрокинутое мёртвенное лицо. Вдруг она пошевелилась и открыла глаза.

– Я знаю, что ты здесь, я не сплю. Я притворилась, чтобы дедушка пошёл отдохнуть немного.

Она постаралась улыбнуться и слегка приподнялась на подушках.

Я по-прежнему молчал, не зная, что сказать.

– Пожалуйста, раздвинь сёдзи, мне душно. Я хочу видеть небо.

Я раздвинул деревянные рамы во всю ширь, и южная ночь, мерцающая серебром небосвода, вошла в комнату.

– Да, да, вот так хорошо...

Она с наслаждением втянула грудью воздух, но тут же закашлялась и упала обратно на подушку. Я кинулся было к ней, но она жестом остановила меня.

– Нет, не надо, всё хорошо! Мне лучше, гораздо лучше. Оставайся там, не подходи.

Но я не послушал и снова прильнул к её изголовью. Осторожно коснувшись губами истаявшей щёчки Юонг, я почувствовал, как она горит.

– Ты поправишься, обязательно поправишься! – зашептал я, как в дурмане, опустив голову рядом с ней на подушку. – Ночной воздух вылечит тебя. Тебе ведь лучше?

– Да, да, мне гораздо лучше!

С холодеющим сердцем я разглядывал в темноте пятнышки крови на краю белого одеяла и в бессилии сжимал в ладонях её руку, когда её вновь начинали бить долгие приступы кашля.

К утру Юонг не стало.

На ватных ногах покидая дом учителя, я снял с полки лакового шкафа грифельную дощечку и сунул за пазуху. Тонкая девочка с синей матерчатой сумкой на плече летела по извилистой дороге куда-то вперёд, в пустоту...

Не оглядываясь, я уходил прочь, твёрдо уверенный, что больше ничего в моей жизни не будет.

Вскоре отец вместе с армией покинул Пхеньян, а мы с матерью остались там ещё на три года. По воле рока нам пришлось стать очевидцами ковровой бомбардировки города американцами. Сидя в окопе вместе с местными жителями и пытаясь прикрыть собою мать, я слушал, как стонет земля под бомбами, с грохотом нёсшимися с высоты в шесть тысяч метров. Тройки самолётов В-29, прозванных «Летающей крепостью», кружили над городом, превращая его в горящие руины. Словно свечи, один за другим вспыхивали корейские домики. Из огня вырывались женщины с обезумевшими глазами, волоча на подолах рыдающих от ужаса детей. Одна из бомб накрыла и серую фанзу учителя, оставив вместо дома и сада дымящуюся чёрную воронку. Когда я узнал об этом, то в душе невольно порадовался, что добрый старик этого уже не увидел.

Вернувшись в Союз, я поступил в институт и стал профессиональным художником. Призвание не обмануло меня, подарив мне немало счастливых

творческих лет. Сейчас мне за восемьдесят, и вечерами я люблю перелистывать старые фотоальбомы, хранящие память о многих встречах и поездках, которые мне подарила судьба. Но в Пхеньяне я больше ни разу не был. Не тянет меня в этот город, отгородившийся от мира, обросший бетонными коробками и ставший неотличимым от сотен других городов. Но ушедший Пхеньян всегда со мной. Он свернулся чёрным, потускневшим от времени локоном в серебряном медальоне, рядом с портретом матери. Он смотрит на меня с запылившейся грифельной дощечки и, прорывая завесу лет, летит белым девичьим силуэтом по извилистой дороге моей жизни...

ОЛЬГА ХАРИТОНОВА (Россия, г. Новосибирск)

Родилась в 1988 году в Омске. Окончила Омский Государственный Педагогический и Аграрный университеты. Работает сценаристом мультфильмов. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Юность» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Абсолют».

ЧУЖАЯ СТОРОНА

УАЗик, «бывавший на всех фронтах», вёз Леонида к берегам Белого моря. Набегали и удалялись за окнами редкие селения, лес постепенно редел, всё чаще встречались серые пролысины болот. Заканчивался ещё один день из отпуска, с трудом выпрошенного для прощания.

Леонид ехал хоронить Кешу, друга-вахтовика. На работе заверил начальство, мол, туда и сразу вернётся, пить будет в меру.

Солнце повисло на горизонте и никак не желало сесть. Вдруг автобус затормозил. На дорогу вышел и замер лось. Прядал ушами, смотрел по сторонам. Когда силуэт его, наконец, скрылся в сосновом бору, автобус опять полетел.

Асфальт, асфальт, грунтовка. Скачок на каждой кочке вытрясал душу, стучали невидимые железки по карманам и где-то в горячем нутре УАЗика.

– Поставили таксофон, но надо карту покупать. А за ней тридцать километров! Ага? Каково?! Это пятьсот шестьдесят рублей на бензин. Только купил, три минуты поговорил, лимит исчерпан, новую давай, – возмущались сзади.

Пять часов езды Леонид думал о чём угодно, кроме Кешы и предстоящего. Требовалось пережить всё как нужно, по-мужски. А воспоминания всё равно снова и снова жгли керосин в аквамаринном вахтовом вагончике, который делили они с Кешей в Лангепасе: Кешина щербатая улыбка, рябая зимняя тайга, водка с сосисками, дурацкие шторы с белыми пегасами, кешины золотые коронки, залихватские присвисты тракторного мотора...

Соседка слева, девушка в серой вязаной ушанке, держала на коленях большую корзину, обвязанную цветастым платком, наглаживала её, словно та была живая.

– Котик у меня там, – ответила она на вопросительный взгляд Леонида.

Корзина была похожа скорее на гроб. «Котик» не подавал признаков жизни.

На последнем изгибе дороги лесной занавес раздвинулся. Автобус въехал в старинное поморское село Калгалакша. Селение тянулось вдоль побережья приземистыми одноэтажными домами, обращёнными к морю. «Одножирной» – говорил Кеша. Так поморы называют одноэтажный дом.

Автобус остановился, тяжело выдохнул. Кот стал рваться из корзины, – оказался здоровым чёрным котищей.

Калгалакша встретила сильным и холодным ветром «моряной». Леонид вышел из автобуса и накинул капюшон куртки на голову. Поспрашивал про нужный дом, побрёл вдоль улицы.

Не было больше воспоминаний, не было тёплой тоски, только от страха немели живот и щёки. Леонид изо всех сил старался не думать о том, что Кеша младше его всего на три года и не представлять, каково сейчас Кеше, где он сейчас, если его больше нет в теле.

Гнать от себя всю ужасающую философию смерти, гнать! Условился же сам с собой – только смотреть и слушать, перенести, если попросят, переставить,

если потребуется, не думая. Жить эти часы только телом, только руками, чтобы потом помыть руки и увезти вместе с телом подальше. Там, позже, можно уже будет почувствовать. Не здесь.

Сзади приближался шум, Леонид посторонился. Прошла мимо оранжевая коробка камазной кабины, а потом потянулись длинные сосновые брёвна. Они всё тянулись, тянулись... Время не торопило.

– А ты кто будешь? – старик в белом кепи стоял рядом тут же на обочине, пережидая пока проедет лесовоз с прицепом.

– Мошниковых. Я друг...

Леонид хотел добавить, чей он друг, но старик сам всё соединил:

– Ага, сходи. Попроси, шоб привет в земле передал Тоське моей.

– В земле?

– С другого села-то перевозят брёвна, – старик проигнорировал вопрос, – дом-интернат для старья строить будут. Как занежем, так туда и поедем. Я им только сказал, в лесу не хороните меня!

– А чего? – спросил Леонид.

Старик засмеялся:

– Так птицы с ветвей насерят!

Леонид тоже заулыбался. Разошлись со стариком выше по дороге. На самом верху склона Леонид наконец остановился перед железными воротами нужного дома, подсобрал губы. На металле, открашенном голубым, под кнопками держался альбомный листок: «Продаётся рыба: Сиг – 1 кг 100 р., Камбала – 1 кг 100 р.».

И тут же сзади подошли какие-то мужики, тихие, высокие, широкие, внесли волной в дом.

В доме пахло рыбой и тестом, толпились люди, говорили одновременно. Мать Кеши, тётя Рая, гладила крышку закрытого гроба, как показалось Леониду, до одеревенелости напряжёнными руками. Руки подрагивали, постукивали по красной ткани.

Мужская волна плечами, животами поволокла к гробу. Леонид только повторял движения, не успевая думать, – поднял гроб, взвалил на плечо, пошёл, пошёл. Никто ничего не сказал, не окликнул, не спросил ничего.

До кладбища ничего и не было: только усталость в ногах, только острый сосновый запах в носу. Пошли осторожно между могил. Среди обычных православных крестов встречались старообрядческие резные столбики-голбецы – надгробия в виде «домика» с крышей. Были ещё какие-то с резным рисунком и надписями, прочитать которые Леонид не мог.

Дошли до свежей ямы. Подумалось: вроде не под деревьями, птицы не насерят, нормально. А потом всё совсем быстро – опустили, потолпились, перемешиваясь перед ямой. Леониду передали лопату, стал кидать песок и сусесь на крышку гроба, потом ровнял...

Вернулся в дом с той же «похоронной» бригадой, с ней же усадили за стол.

– Только ушли, теперь вот дождь падат. Хорошо, – приговаривала какая-то женщина, наливая мужикам водки.

На столе было полно рыбы: в пирогах, похлёбке, салатах. «Мы – рыбные души» – говорил Кеша, а Леонид вот вспомнил эти его слова за тресковой жарёхой. Пили водку, пили горячий поморский кёж и ели, ели, быстро-быстро. Ложку – из рыбного салата с морошкой, ложку – из селёдки с луком. Наконец мужики встали и вышли. И Леонид встал, а сесть снова было уже стыдно. Неуместно было бы после всего сказать, мол, я вообще-то Лёня, тот самый, я долго ехал, даже в туалет не сходил с дороги.

Хотелось, чтобы кто-то сам узнал, остановил, что-то вспомнил, показал альбомы или вещи, что-то подарил на память, грузило, например, или фотокарточку... Но все вышли, и Леонид тоже вышел. Со всеми пошёл в сторону моря, а там остался один.

Облака лежали на морской воде белой пеной. Шёл отлив. Море стремительно стягивало с берега серую воду. Леонид зашёл в ивняк справить нужду. Только выйдя, заметил на берегу старуху в калошах и с удочкой.

– Чейный? Чего такой? – спросила.

Леонид поджал уголок рта:

– Да...

Старуха закидывала удочку не из-за головы, а тяжело поворачиваясь через плечо, всем телом. Коротко скрипела и сразу же заходила кашлем.

– Не наш. А чужая сторона и без мыла вымоет, – еле разобрал Леонид.

Он потащился дальше по кромке, прошёл метров триста. Там поперёк берега на шестах тянулась лента сети, словно волейбольная сетка на поле. Посреди крюком висела большая черноспинная сёмга с распахнутой пастью, кричала в небо. По берегу невдалеке блуждал рыбак с ведром.

– Живём у моря, почему ловить нельзя? А жизнь заставляют, – начал он что-то оправдываться. – В том году вообще ничего нельзя было, селёдку – и ту по билетам, до двадцатого июня, а за билетом ещё наездишься...

Он поглядывал на Леонида опасливо, готовый в любую минуту заслонить добычу от чужака, но из сетей сёмгу не доставал.

– Браконьерим, получается... – наконец, обречённо признался мужик.

Леонид безразлично пожал плечами. Тогда рыбак дошёл до рыбины, вынул из сети и повесил её на колышек. Отошёл. Леонид, вздохнув, побрёл прочь. Обернулся на холме, увидел, как рыбак промыл сёмгу в воде, сунул в ведро и облизал пальцы.

На станции Леонид взял билеты обратно. Бесстыже рассматривал бирюзовые серьги и бусики кассирши. Рыжие кудрики выглядывали из-под белого платка. И кудрики, и всё вокруг было некрасивое, старомодное, чужое. И в очереди все чужие, и в курилке за туалетом, и чего он здесь от всех хотел... Ради чего ехал? Ради кого?

И вдруг поглядел на часы, как спохватился, выбежал из автостанции, нашёл продовольственный с огромной безвкусной фотографией россыпи продуктов в витрине и купил любимых кешиных шоколадных вафель.

Начинался дождь, но казалось – ветер приносит брызги Белого моря. Леонид стянул капюшон у горла пальцами и почти побежал в сторону кладбища.

Тут и накрыло. От всего. От того, что не успел приехать раньше, что не увидел Кешу в гробу, в костюме, в чём он там, что ничего не успел ни сообразить, ни почувствовать (договаривайся, не договаривайся с собой), что столько ехал, чтобы неузнанным дураком одиноко мёрзнуть по чужим улицам, словно он сам тоже мёртвый, мёртвый...

По лицу шёл горячий прилив – слёзы заволакивали глаза, затягивали берега впалых щек, камень верхней губы, камень нижней губы...

На кладбище из-за слёз не сразу нашёл могилу. А как нашёл, полез трогать всё – и крест, и землю. Размёл рукою пластмассовые безымянные цветы, вынул из кармана вафли, прикопал возле креста. Грязными руками отёр глаза, повалился поверх могилы – сначала на живот, обнимая взрыхлённую с песком землю, перекатился на спину, извивался, рассыпая холм, а наконец, ёжась и обнимая сам себя, лежал, пока совсем не продрог. Пришлось подняться. Трясло от иступления, мучил голод. Выпитое на поминках уже не грело. Леонид раскопал вафли, зубами вскрыл упаковку, съел несколько, оставшееся снова закопал. И пока разминал сладость во рту вместе с песчинками, заметил что-то неподалёку от креста.

На земле лежала самодельная блесна из держала столовой ложки. Потёртая, с цветочными разводами-узорами, размером со спичечный коробок, с отверстиями сверху и снизу металлического овала.

– Подарок? – сжал Леонид блесну в ладони, обернулся на крест, перекрестился и растянул в улыбке замёрзшие щеки. – Кеша, это мне? Спасибо, брат!

УАЗик заполнялся медленно. Леонид вошёл одним из последних, пассажиры косились, заметно отодвигались. Он весь в глине и грязи прошёл в конец салона и занял правый край промятого сиденья в последнем ряду. Соседкой оказалась та самая девушка в вязаной ушанке. На её коленях снова стояла корзина, теперь пустая.

ВЕРОНИКА ЧЕРНЫХ (Россия, Челябинская обл., г. Снежинск)

Захарова Вероника Николаевна (лит. псевдоним Черных Вероника) – автор рассказов, повестей, стихов и сказок для детей и взрослых. Член Союза писателей России. Печаталась в городских, областных литературных сборниках. Автор семи книг, в том числе вышедших в Москве в издательствах «Сибирская благовонница» и «Символик». Лауреат II Литературной премии УрФО в номинации «За милосердие» за повесть «Поводырь» (г. Екатеринбург), а также нескольких областных и всероссийских литературных конкурсов (конкурс Росатома, г. Москва; «За далью – даль», посвящённый А. Т. Твардовскому, г. Черняховск Калининградской области; «Герои Великой Победы», г. Москва; «Святые символы России», г. Самара). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Дело».

КАМЕННЫЕ ЖУРАВЛИ ДЗУАРИКАУ

* * *

Кому надо, принёс, что положено, и теперь этот чудный участок земли – личная собственность Васо Бедоева. Давно он ему приглянулся, да не откусить было. Правда, на территории высился старый монумент из серого камня с взмывающими журавлями и фигурой скорбящей матери да рос небольшой парк из елей и дубов, которых лет сорок назад сельчане высадили в виде звезды. Ерунда! Кое-какие деревья вырубить, чтобы влез коттедж... дачный вариант... Ну, а памятник? Пока не мешает, пускай стоит. Замешает – долго ли снести при его деньгах-то?

* * *

Мила Дзарахматовна Газданова ахнула и непроизвольно прижала натруженные шершавые ладони к морщинистым щекам. Откуда возле памятника её отцу и его шестерым братьям, вокруг мемориального сквера, сорок три года назад посаженного жителями села Дзуарикау, появился наглый забор?! Чей он? Почему?! И кто свалил старый дуб?! Ой! И ёлку! Что ж это за паразиты натворили такое?! Вот я вас, вот я!..

Горло сдавило, сердце заколотилось, перед глазами темно и, кажется, давление поднялось.

Мила долго стояла возле ёлочного пня, рассматривая светлую истекающую влажностью поверхность, и повторяла: «Да кто ж это? Да как? Зачем?!».

Потрогала камень памятника, погладила склонённую голову каменной матери, сложенные на груди руки.

«Здравствуй, бабушка Тассо...»

Провела по лицам портретов.

«Здравствуйте, дядя мои Хаджисмел, Магомет, Хасанбек, Созрико, Махарбек, Шамиль».

Подняла голову к летящим, сцепившимся крылами, лебедям.

«Летите, родные мои, летите к Богу! Всё время летите, долетайте!».

* * *

– Какие ещё герои войны? – недовольно буркнул Васо Бедоев. – Эти, которые под лебедями? Ну, и что?

Мила стояла перед ним и возмущённо сверкала яркими чёрными глазами.

– Это мои родные! Во время войны все семеро по очереди добровольцами уходили на фронт и погибали – один за другим! Хаджисмел и Магомет – под Севастополем. Дзарахмат – под Новороссийском. Хасанбек – он самый младший из братьев, ему всего семнадцать лет стукнуло, – в Белоруссии убит. А Созрико

– в Киеве. Махарбека пуля под Москвой нашла. Шамиль до Берлина добрался и от смертельной раны умер. Вот какие герои! Мало тебе, Васо?! Сам-то смотрел на врага в оптический прицел? Вообще – в прицел? На врага Отечества! На убийцу твоих близких!

– Вот только не надо мне этого пафоса, – поморщился Бедоев. – Я подхожу к делу практически. Земля эта бесхозная.

– Это земля нашего села Дзуарикау! – отрезала старая осетинка.

– Земля – она везде земля, – пожал плечами Бедоев. – Документов на эту территорию нету, понятно?

– Какие тебе должны быть документы, изверг ты немецкий!

Бедоев равнодушно куснул бок садовой груши и ответил нехотя:

– Такие, чтоб этот парк ваш рядом с памятником был оформлен как природоохраняемый объект. И чтобы его внесли в мемориальный комплекс. Понятно? А раз участок никому не принадлежит, я его и купил. А за оскорбление могу в суд подать.

– Перед судом отвечу, не беспокойся. А землю у кого купил? Какой предатель тебе её продал? По какому праву? – наступала Мила, дочь Дзарахмата.

– Да ваш собственный глава Бимболат Келехсаев продал, с него и спрашивайте. А вообще, у меня законно, уважаемая: и вырубка леса, и строительство дачного дома. Моя земля, и слушать ничего не желаю!

* * *

Бимболат Келехсаев прятал чёрные глаза и вертел в руках золотую ручку.

– Мила, слушай, из-за чего тебе весь этот сыр-бор? Тебе если нужна земля, я тебе могу дать, сколько сама запросишь. Но та территория продана, ничего не поделаешь.

– Зачем, скажи, мне ещё земля? У меня и так есть! Мне важно сохранить память о погибших родственниках! Ты знаешь, кто его сделал, знаешь?! Известный в Осетии скульптор Сергей Санаков! Он воплотил в камне стихотворение Расула Гамзатова: семь белых журавлей в полёте, и седая мать плачет от скорби! Помнишь ли? «Мне кажется порою, что солдаты, С кровавых не пришедшие полей, Не в землю эту полегли когда-то, А превратились в белых журавлей»...

– Ну, какое ещё стихотворение, Мила? – возопил Келехсаев. – Это просто деревья. Просто камень!

Мила Газданова опёрлась руками о стол, за которым сидел Бимболат.

– Документов, может, и нет, а парк есть, – сказала она. – И таких деревьев в районе больше нигде не растёт. Ели и дубы звездой посажены рядом с журавлиным монументом. Это святое место, Бимболат! Не знаешь разве? Здесь во время осады села фашисты убили двадцать десятиклассников! А они в руках ни пистолета, ни винтовки не держали! Просто возвращались домой из школы! Парк – дань памяти семи братьям-героям и этим безвинно погибшим детям!

Келехсаев помолчал. Спрятал золотую ручку в стол. Пряча глаза, развёл руками.

– Ничего не вернёшь, Мила Дзарахматовна. Продано.

* * *

– Потому-то и не чувствуешь ты ничего: потому что горя у тебя никогда не бывало, – заключила Мила Газданова и смело посмотрела в бесстыжие глаза Бедоева.

Тот цинично ухмыльнулся и процедил:

– Да про ваших так называемых «семерых героев» все забыли! От них ни могилки, ни дома не осталось, даже развалин! Даже фундамента, между прочим.

Мила подтвердила без всякой робости и неловкости:

– Не осталось, правду говоришь. Наш дом надвое раскололся от фашистской бомбы. Когда я подросла, соседка тётя Хадизат мне рассказала, что немцы, захватившие Дзуарикау и два месяца стоявшие в селе, когда уходили, специально взорвали наш дом, когда узнали, чей он. Зло их взяло, что семеро смелых мужчин сражаются против них на различных фронтах! Дедушка Асахмат вернулся с гор, где овец пас, а дома-то и нет. Моя мама дала ему кров. В нём он и умер в июле сорок пятого.

Мила встала со стула. Кабинет Бимболата Келехсаева вдруг сузился и растерял стены и потолок.

– И про то неверно ты сказал, Васо, что никто героев не помнит, – высоким, грозным голосом сказала она. – Помнят! Просто не для тебя, не в тебе эта память! В семидесятых годах люди собрали в сельской школе музей. Там хранятся семь чёрных черкесок братьев, их фотографии, макет нашего дома, газетные вырезки, портреты родителей. В этой школе до войны мой дядя Махарбек детей обучал осетинскому языку!

Дочь Дзарахмата перевела дух и продолжила:

– Именами героев до сих пор улицы называют. В их честь танцуют национальный танец «Семь косарей». И с чего ты взял, что без следа исчез дом Газдановых?! Я – его фундамент. Стены – мои четверо детей: Зелимхан, Кермен, Мисирби, Таира. И одиннадцать внуков. Ты их не знаешь, а я тебе скажу, потерпи: Езета, Замира, Аниса, Наида, Дунетхан, Мадинат, Баччири, Гайши, Амурхан, Дакко, Кайсын. Окна, крыша, крыльцо, убранство – память о моих родственниках, благодаря которым ты живёшь!

Бедоев упрямо сказал:

– Это *моя* земля. Я её купил и слушать ничего не желаю. Не пробьёте на жалость. Я вам не лох городской. Покупайте себе другое место, сажайте, что хотите, объявляйте, что хотите, ставьте какие угодно памятники, а меня, наконец, оставьте в покое!

* * *

...Мила прикрутила к плотной ткани пиджака все награды – и отцовы, и всех дядьёв. Причесалась. Оглядела себя в зеркало. Ничего. Прилично. Неброско, но торжественно. То, что надо. Солнце ударило в неё всем своим светом и силой, заиграло на старых медалях. «Красота!» – наверное, подумало солнце.

Единственная дочь Милы Таира глянула на неё, ахнула:

– Мам, ты чего задумала?! Куда собралась?

– За свой род биться пойду, – с достоинством ответила осетинка.

– Как ты хочешь биться? Саблей?!

– Саблей.

– У тебя нет сабли, мама! Ну, что ты себе вообразила? Что? Ты вон только что от обморока очухалась!

– У меня своя сабля, – упрямо заявила Мила. – И я отлично себя чувствую, не спорь со мною, девочка.

– Никакая я тебе не девочка? Мне уже пятьдесят!

– С юбилеем, дорогая моя. Пусти меня, ну? Я скоро вернусь.

И ушла. С саблей в ножнах. На бой за свой род, за свою память.

* * *

Васо Бедоев подъехал на машине, полной гостей: бабушки, родителей, супругов из районного начальства. У ворот джип резко затормозил, а Бедоев крякнул, плюнул, чертыхнулся.

– Чего там? – спросила притомившаяся бабушка Чабахан.

Рассказал сквозь зубы, плюясь и размахивая рукой. Бабушка помолчала. Велела выпустить её из машины. Внук закатил глаза, но повиновался. Тогда и все вышли. И увидели осетинку в годах, на груди которой поблёскивали медали, а руки сжимали обнажённую саблю.

Бабушка Чабахан подошла к ней. Глаза её поблёскивали от слёз, будто те медали.

– Здравствуй, Мила, дорогая...

– Ох! Это ты! Как ты здесь, Чабахан? Откуда? Этот... человек тебе кто?

– Внук. Мила, расскажи-ка мне, чего ты тут стоишь с саблей наголо да медалями сверкаешь?

* * *

Бабушка Чабахан повернулась к Васо Бедоеву и смерила его странным взглядом. Родители и начальствующая чета молчали.

– Пойдём, Васо, к журавлям. Скажу тебе кое-чего.

– Бабушка! Ну, что ещё? – недовольно пробурчал Бедоев. – Я же сказал: своего решения не изменю. Вообще не понимаю, о чём разговор.

– О тебе разговор, – властно произнесла бабушка Чабахан. – Надолго не задержу, не переживай.

Бедоев скривился, вызывающе цокнул, но перечить не посмел, исчез вслед за бабушкой на своём участке. Высокий забор скрыл их из виду. Бабушка Чабахан поклонилась каменной Тассо. Постояла, рассматривая цепочку взлетающих белых журавлей, касавшихся друг друга кончиками крыльев.

– То вот тебе и скажу, Васо, – наконец, сказала бабушка. – Среди тех двадцати десятиклассников, что фашисты расстреляли, был твой дедушка. Здесь он похоронен. В этой роще. И все его одноклассники. Девочки и мальчики... Ёлки и дубы – когда мы их сажали, боялись, что иглы и листья бурыми будут – столько крови впиталось в землю... Но нет. Зелёными развернулись. Постой здесь, постой, Васо. Погляди, как взмывают белые журавли. Кажется, они хотят улететь в край, где нет войны и горя. И не могут. Знаешь, где стоишь, Васо? Встречались мы на этом месте с твоим дедушкой Гери. После войны хотели пожениться... Не успели. Отец твой через восемь месяцев родился. А у меня даже фотокарточки не было. Стой, Васо, слышишь? Никуда не уходи, прислушайся. Вдруг услышишь. Вдруг поймёшь!

* * *

Васо стоял, нахмурившись, ни на кого не глядя. Потом поднял голову на каменных журавлей. Шумел ёлочно-дубовый парк. Белели два пенёк от срубленных деревьев. Васо посмотрел себе под ноги. Присел на корточки и положил на горячую землю раскрытую ладонь. И померещилось ему, что рука его обрастает белыми перьями и превращается в сильное крыло, а в груди рождается тоскливый клёкот-плач и рвётся из горла.

Он долго сидел на корточках – пока не затекли ноги. Потом встал и молча ушёл.

* * *

Мила Газданова вздохнула и тихо вложила отцовскую саблю в ножны.

ОЛЬГА ШИПИЛОВА (Беларусь, г. Гомель)

Писатель-прозаик, политолог, юрист. Автор поэтического сборника «Ангелы зимуют в Ялте» и восьми книг прозы. Лауреат международных литературных фестивалей, конкурсов, книжных проектов. Работы публикуются в отечественных и зарубежных литературных изданиях. Член Союза писателей Крыма. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Имя».

РЕСК

Мальчишки играли с собакой у моря. Пёс носился вдоль береговой линии, не издавая ни единого звука даже тогда, когда ребята неприятно брызгали ему солёной водой в глаза. Он залаял лишь однажды, когда озорной мальчуган с криком: «Смотри, Рески, что я делаю!» – смело бросился в бурлящую пену с пирса. Пёс рванул следом и, оказавшись в плотной, пахнувшей йодом бездне, привычными движениями подставил спину и хвост. Дождавшись, когда ловкая рука схватится за то или другое, пёс вытащил мальчишку из моря. Большой, беспородный, с умным уставшим взглядом, он давно к ним привык. Нет, конечно, не именно к этим сорванцам, их было слишком много на его памяти. Одни дети уезжали, на смену им приезжали новые. С сердитыми родителями, грозящими прогнать собаку с городского пляжа, и визгливыми малышами, которые всякий раз норовили наступить ногой на его тонкий взъерошенный хвост, похожий на опустошённый колосок. Он привык к тому, что дети, догадавшись о его внутренних терзаниях, пытались играть, прыгая с пирса в воду. Они наивно полагали, что он, десятилетний пёс, пришёл на пляж купаний и развлечений ради.

– Реск, а я снова прыгну! – кричал всё тот же мальчишка, размахивая руками и выгибая дугой бледный живот в синих венках.

Пёс вздохнул и поплёлся на пирс, чтобы тянуть из воды ныряльщика, который, оказавшись в воде, непременно изобразит утопленника, и ему придётся тащить мальчугана на берег, принимая условия наскучившей игры.

Реск! Что за глупое имя?! Пёс помнил день, когда оно к нему привязалось, и теперь передавалось из уст в уста отдыхающими. Несколько лет назад он вот так же сторожил море, дожидаясь, когда оно вернёт белый корабль, уплывший за горизонт в поисках берегов, где солнце ласковее и жизнь лучше. Проходивший мимо мужчина со своим маленьким сыном вдруг остановился и окликнул его, назвав Рексом. Пёс даже не повернул головы, он сторожил море. Малыш попытался повторить за отцом, но вместо Рекса получился Реск. Пёс, словно разбуженный странными звуками, с любопытством взглянул на ребёнка. Отец захлопал в ладоши:

– Выходит, ты Реск? Странно и смешно!

Вслед за мужчиной пса начали звать Рексом и все отдыхающие, ставшие свидетелями наречения безымянной собаки, ежедневно любующейся морскими пейзажами.

У пса было ещё одно имя. Первое. Не менее странное, чем Реск. Он хранил его в своей памяти, но с каждым днём, оно становилось всё призрачнее. Потому что тот, кто называл этим именем его и ласково касался головы, тот, кто хохотал, играя с ним у воды, и заглядывал нежно в грустные карие глаза, растворился в море на белоснежном корабле, как лёгкие облака, похожие на стада бездумных овец, растворяются в голубом небе, гонимые в неизвестные края невидимым пастухом. Словно две жизни: одна – счастливая, наполненная радостным светом,

вторая – одинокая, проходящая в ожидании чуда на городском пляже – эти имена расчертили сердце собаки на две тревожные половинки.

В первой жизни у него был хозяин и человеческое имя. Во второй – странное ожидание хозяина: сначала сильное, надёжное, потом, с каждым годом, ослабевающее, переходящее в уныние, а вслед за ним – в привычку. Пёс, кажется, уже совсем начал забывать родное лицо, непослушные светлые волосы, улыбку и своё первое имя – Мишка. Он тяжело и долго к этому имени привыкал. Не мог разобрать, когда люди обращаются к нему, а когда друг к другу. Только к трём годам пёс научился понимать, что мишек на свете очень много, и не стоит нестись стремглав на зов, когда смешная девчонка, похожая на куклу, стучит по витрине магазина и причитает: «Мишку, хочу этого мишку!» Или толстая женщина в широкополой шляпе вопит на всю набережную: «Мишка, зараза, зачем ситро на новую рубашку пролил?!» Или когда старый хозяин зовёт его молодого хозяина и тычет указательным пальцем в говорящую чёрную коробку со словами: «Смотри, каких больших медведей показывают! А вон, вон там! Какие карапузики! Какие славные мишки!»

Сейчас псу десять лет и Мишкой никто его больше не зовёт. Когда молодой хозяин уплыл на белом корабле, старый хозяин перестал смотреть в говорящий ящик и смеяться. Он ничего больше не замечал вокруг – ни людей, ни пса своего сына. Наверное, он и имя его позабыл, потому что вместо привычного «Мишка», стал называть пса просто «собака». День за днем старый хозяин слоняется по дому или смотрит фотоснимки в синем альбоме с голубой каймой. А пёс толкает носом дверь, которая с отъездом молодого хозяина теперь всегда не заперта, и бежит на пляж, чтобы сторожить море.

– Реск, Рески! О чём ты задумался?! Смотри, я опять прыгаю! Неужели тебе всё равно?

Пёс хотел отдохнуть, его лапы дрожали от усталости, утром старый хозяин забыл его покормить, но странная неведомая сила заставляла снова и снова бежать на пирс, больно ударяться в прыжке о воду и тянуть бессердечного мальчишку на берег. Глупая привычка! Она появилась тогда, когда молодой хозяин поднялся на борт корабля и помахал ему рукой: «Не грусти, Мишка, мне здесь тесно, должна же быть лучшая жизнь, отыщу её и вернусь! Улыбнись, Мишка!» Пёс тогда попытался сделать счастливый вид, но у него ничего не получилось, и вместо ожидаемой хозяином улыбки он завыл на весь морской вокзал. А потом, едва корабль в сопровождении маленького неуклюжего баркасика начал уходить в море, издавая жалобные гудки, пёс побежал за ним по пирсу, и когда пирс закончился, он упал в воду. Хозяин не видел, как его Мишка преследовал бездушное судно до тех пор, пока сил совсем не осталось, и он еле живой поплыл к берегу. С тех самых пор Реск возненавидел уходящих в море и, если выпадала возможность, он непременно возвращал их на сушу.

Со временем на смену боли утраты пришла эта непонятная необходимость вытаскивать из воды детвору, считавшую, что взрослого пса безумно веселят их прыжки с пирса и шумная возня в толще воды. Псу это всё ужасно наскучило, но он ничего не мог с собой поделать, будто кто-то невидимый приказывал ему

сторожить море, хоть и понимал, что ожидание и все его вахты – полная никому не нужная бессмыслица. Разве что – развлечение детям, но и от них он давно смертельно устал.

– Реск! Рески! А меня, меня ты тоже спасёшь? – кричал новенький самодовольный мальчуган.

Пёс отвернулся и лёг на тёплые камни. Он был очень голоден. Море шумело в попытках учинить настоящий шторм, волны настойчиво захватывали всё больше и больше лоскутков пляжа, прогоняя людей и увлекая за собой вещи, оставленные без присмотра, в бурящую воду. А Реск думал лишь о том, как ему сейчас утолить свой голод, и радовался, что шум чаек и моря, наконец, заглушили крики детей, ждущих его на пирсе. Он закрыл умные глаза на одну минуту, чувствуя, как дрёма катится по уставшему худому телу, а когда открыл их – перед самым носом, обветренным и просоленным морем, словно в волшебном сне возник ароматный кусочек колбасы на чёрном, влажном от жира, ломте хлеба. Реск поднял голову и увидел рядом рыжего веснушчатого мальчика с облупившимся носом, точь-в-точь как у него.

– Кушай, собачка, – ласково сказал ребёнок.

И осторожно, боясь, что пёс его укусит, погладил по голове кончиками пальцев вытянутой руки.

Мать ребёнка лежала неподалеку на пляжном полотенце, край которого успели облизать волны, с книгой на лице. Кажется, женщина пыталась читать и незаметно для себя уснула, разомлев на жарком солнце. Рыжие завитушки разбросались по сухим камням. Рядом валялась её пляжная сумка, выпотрошенная наизнанку сыном в поисках бутерброда для собаки.

Но едва пёс сделал попытку с благодарным видом проглотить колбасу, а следом – мягкий ломоть хлеба, как послышались рвущий барабанные перепонки невыносимый лай и громкий человеческий смех. Рыжий мальчик и подскочивший с камней голодный Реск повернулись в сторону звуков. Они доносились с пирса, который теперь оказался свободным от детских тел. На него взлетели две холёные породистые собаки, а вслед за ними такой же холёный человек в спортивных шортах и майке. Он хохотал на всю округу, любясь сноровкой своих псов и подстрекая их инстинкты. Собаки, весело переглядываясь, гнали изо всех сил рыжего плешивого кота, который, обезумев от страха и округлив зелёные испуганные глаза, летел стрелой к самому обрыву серой, облепленной тиной, длинной полосы, врывающейся в беспокойное море. Кот для верности прижал уши к голове, вытянул рыжий хвост длинным жгутом, как если бы это могло спасти его от гибели. Пляж замер, с любопытством глядя на бесплатное представление. Всем было интересно, что дальше произойдёт с котом и сможет ли он остаться в живых. Какое решение примет этот рыжий: сиганёт ли в море или предаст своё облезлое тело безупречным зубам собак, а может, мужчина смилуется над ним и уведёт своих псов с пирса?

Реск встал в стойку, будто готовился атаковать... не кота, глупых избалованных псов. Сам он никогда не травил котов, тем более таких жалких – с круглыми опустошёнными глазами, с плешью на позолоченной шерсти

и вытянутым в беге хвостом. Страшное зрелище! Несчастный рыжик надеялся подобными нехитрыми способами, которыми его наделила природа, уйти от безжалостных преследователей. Между тем псы загнали кота на самый край пирса и принялись с ещё большим азартом лаять на свою жертву, смакуя и оттягивая его кошачий предел. Хозяин улюлюкал, кот был ему противен. Он хотел скорейшего финала. Псы отдаляли его, восхищаясь своей изощрённостью. Кот жалобно мяукнул, потом зашипел, надеясь напугать своих палачей, и, не удержавшись на пирсе, сорвался в воду. Хозяин похлопал по спинам своих собак и, довольный, присвистывая что-то, медленно пошёл обратно. Кот, оказавшись в воде, начал верещать. Чайки беспокойно взмывали над бурлящим морем. Ещё немного – и наступила тишина, только шум беснующихся волн – и больше ничего.

– Ну, вот и всё! – облегчённо вздохнули люди на пляже, словно смахивая со своих душ вину за молчание и равнодушие. Или, может, потому что всё само собой разрешилось, кота поглотила вода, ставшая его спасением от голодной жизни, и никому не нужно лезть в коварное штормящее море.

Реск ещё стоял в стойке, размышляя, что делать дальше, когда рыжий мальчишка, давась слезами, взбежал на пирс. Он постоял там некоторое время, согнувшись пополам и всматриваясь в чёрную воду, а потом надрывно прокричал:

– Котик, я тебя вижу, я сейчас! – и полетел с пирса в море.

Реск метнулся за ним на пирс. Доля секунды – и он тоже в воде. Беспощадные волны больно ударили в нос и уши. Пса потянуло ко дну, стукнуло о пирс, потом подняло наверх и снова швырнуло на камни. Реск почувствовал вкус крови, он с трудом открыл глаза и в мутной толще воды рассмотрел багровое пятно, а в нём рыжего мальчишку, вращающегося в солёном потоке. Реск сделал несколько рывков и оказался с ним рядом. Он подставил мальчишке свою спину – и наперекор дьявольской силе тот дотянулся до неё одной рукой. Реск совершил над своим телом невероятные пытки – и его голова, а затем облупившийся веснушчатый нос показались над водой. Спустя ещё пару секунд над водой возникли из небытия и длинные белые усы, а вместе с ними рыжие уши, выглядывающие из-под зажатой руки мальчика. Реск выдохнул. «Улыбнись, Мишка...» – вспомнил он слова хозяина, потом белый корабль, уходящий в море, и, споря с разгневанной водой, ненавидя её за каждого невернувшегося, навеки утраченного, он поплыл. Волны захлёбывали его, и он захлёбывался волнами. Но Реск продолжал плыть, второго шанса больше не будет.

– Ну же, Реск! – молил пляж, замерший в оцепенении, так и не решаясь броситься в воду.

– Мишка, сынок, где ты? – металась среди людей рыжая женщина, не понимая спросонья, что происходит и куда подевался её сын. – Мишка, Миша, Мишенька!

Мишка – Реск слышал своё имя.

Мишка – он узнавал его.

«Не грусти, Мишка... – в этом зове пёс слышал голос своего хозяина. – Улыбнись, Мишка!»

Пёс плыл и плыл, борясь со стихией за право быть на земле этой тонкой руке, обхватившей его спину, этим рыжим ушам, напоминающим в воде два сорванных берёзовых листочка, за своё право быть Мишкой.

Женщина целовала своего сына в лицо и окровавленный висок, потом она целовала Реска и дрожащего рыжего кота у сына на коленях, неустанно шепча: «Мишка, Мишка, мой Мишка». Реск благодарно уткнулся носом в её завитушки. Жизнь возымела смысл. Случайности больше не были случайными, и отъезд хозяина был необходим, чтобы вот этот рыжий мальчишка с облупившимся носом, точь-в-точь как у него, и этот рыжий дрожащий кот с длинными усами и ушками, похожими на осенние берёзовые листочки, жили, а эта рыжая женщина, обезумев от боли утраты и вдруг по запланированной небесами случайности ставшая счастливой, смеясь, целовала его прямо в мокрую морду, называя забытым именем.

ЕВГЕНИЙ ЭРАСТОВ (Россия, г. Нижний Новгород)

Эрастов Евгений Ростиславович родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических и четырёх прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), им. Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии им. Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022» в номинации «Дело».

ЗАБЫТАЯ РУКОПИСЬ

(в сокращении)

* * *

Единственная фотография, где мы запечатлены вместе. Поэтому она мне так дорога. Март 1984 года, Горьковское море. Разлапистые ветки елей, покрытые снегом. Хоть март, весной ещё и не пахнет.

Игнатий Сидорин, наш маститый прозаик, выглядит задумчиво и слегка отстранённо. В неухоженной, наскоро постриженной бородке у него уже проглядывает седина. Светлая дублёнка апеллирует к замшелым архетипам – то ли ямщик, то ли командарм Блюхер в выстуженной ветрами Сибири, выслеживающий кровавого Колчака.

Рядом с ним – пенсионер невзрачного вида, олицетворённая безликость, «начинающий прозаик», в старомодном пальто с каракулевым воротником.

Возле старичка – Наташа Зайцева, высокая, стройная, в смешной шапочке крупной домашней вязки, в мутоновой шубке. Единственная женщина из пишущей братии, приехавшей на творческий семинар.

А рядом с Наташей – герой моего повествования Виктор Бибииков. Он одет не по сезону легко – тёмный длинный кожаный плащ, хоть и не новый, зато весьма романтично выглядящий, кепка, белый шарф чуть ли не до пояса. Ему двадцать три года, он студент истфила, восходящая звезда нашей поэзии.

У самого края уже пожелтевшей фотографии чуть ли не в обнимку с еловым стволом расположился я – самый юный из нахлынувшей сюда молодой творческой волны – мне нет ещё и двадцати одного года.

Между мной и Виктором – гулкое, звенящее от пустоты и тяжести незаполненное пространство. Оно и раньше обращало на себя внимание, а теперь и подавно. Как будто там должен стоять ещё один человек.

Так, начиная с тридцатых годов, с исторических фотографий исчезали всякие «враги» – Троцкий, Бухарин, Каменев, Зиновьев. Их ретушировали услужливые архивисты.

Но здесь никогда никого не было изначально. Незаполненное пространство отделяет меня от этих людей. Я там выступаю в роли случайного прохожего, соглядатая. Ну какое отношение я имел к творческой молодёжи? Обыкновенный студент-филолог, пишущий никакие стихи.

Нет, я вовсе не стесняюсь роли соглядатая. Наверное, так определено свыше – везде нужны свои архивисты...

...Витя Бибииков отличался от всех независимостью, полным отсутствием социальности. То, о чём мечтали другие, приходило к нему просто так, падало, как снег на голову. Например, его стихи в областную газету несколько раз носил Михаил Алексеевич Куликов, руководитель поэтического объединения «Ли́ра». Куликов принципиально не помогал никому с публикациями, считая себя лишь

литературным наставником, хвалил удачные, но явно непубликабельные по цензурным причинам стихи, воспитывая у студийцев хороший вкус. Для Виктора он сделал исключение: «Сам бы он не отнёс, а стихи замечательные»...

После майских праздников решительно, бесповоротно расцвела черёмуха, и в бесхозном русском воздухе удушливо запахло синильной кислотой. Резко похолодало, я надел старенькую осеннюю курточку и поплёлся в «Лиру». В портфеле у меня лежала рукопись Виктора – третий копировочный экземпляр стихов, которые должны были обсуждаться в этот день – Кулик практиковал такие персональные обсуждения...

Виктор повёл себя не слишком деликатно – растворился в холодном майском воздухе, даже не предупредив о своей неявке. Впрочем, такое поведение свойственно поэтам, и Куликов не слишком удивился. «Лири» прошла, как и всегда – с неллицеприятными высказываниями и бесконечными перекурами, во время которых в конце коридора, возле туалета, на подоконнике разливалась спешно купленная кем-то водка. К концу заседания Кулик становился всё добрее и добрее...

Тогда я ещё не предполагал, что больше не увижу Бибикова. Я никогда не был его другом, даже стихи его в то время меня не слишком привлекали. Я учился на филфаке, мне было что и кого читать. Тот факт, что Виктор уехал из нашего города и поступил в Литинститут, меня несколько не расстроил и не потряс. Ну, уехал и уехал.

Оценил я его стихи гораздо позднее, когда перебирал старые бумаги. Тогда-то и возникла у меня мысль узнать о его судьбе поподробней, отыскать его стихи в журналах, может быть, что-то написать о нём.

Да-да, это было именно так! Мысль возникла раньше, чем чувство.

* * *

Мария Сергеевна Куликова, вдова писателя, приняла меня весьма учтиво. Разумеется, фамилия Бибиков ей ничего не говорила. Похоже, что Кулик вообще не говорил с женой ни о литературе, ни о своих студийцах...

Мои изыскания продолжились вторым визитом. Варя Кудашева, доцент кафедры русского языка, была в конце восьмидесятых особенно дружна с Бибиковым... Варвара Николаевна оказалась честнее, чем я предполагал, и почти сразу выложила свои карты:

– Неужели ты пришёл только ради воспоминаний?

– Мой визит, Варя, носит исключительно профессиональный характер. Я по природе архивист, по специальности – литературовед. Стихи Виктора – возможно, лучшие стихотворные строчки, написанные когда-либо в нашем городе... Мы собираемся издать книжку стихов Бибикова...

– У Виктора не было никакого архива. Насколько я помню, стихи он писал в одной общей клеёнчатой тетради буроватого цвета. После смерти Витькиного отчима квартира, где Бибиков провёл детство, досталась дочери отчима... К ней

ехать бессмысленно, она никогда с Витей не общалась. Так что у ней никаких рукописей быть не может. А если и попали случайно – давно их выкинула в помойное ведро. У Виктора вообще практически не было вещей. Ходил всегда в одном и том же драном сером свитере крупной вязки с чёрными фигурами вроде колёс или снежинок. Смутно помню какие-то джинсы, брюки. Пиджаки не носил, галстуки – тем более. Была у него привычка – писать чёрными гелевыми ручками. Кстати, как литературоведу тебе должно быть интересно – у него гораздо больше публикаций, чем вы все думаете. Вовсю печатался в Москве, в толстых журналах...

Странная вещь человеческая память! И откуда появляется вдруг такое ощущение – «вовсю печатался»? Почему-то она решила, что лучше меня знает библиографию Бибикова. Его дважды напечатали в журнале «Москва», один раз – в «Нашем современнике», и всё это – за год-два до смерти. Больше никаких публикаций (кроме шести местных, газетных!) у него вообще не было. Девять публикаций за 32 года жизни! Это же просто смешно. 25 стихотворений опубликовано, 15 существуют в рукописи – таким образом, сорок стихотворений – это всё, что осталось от Виктора Бибикова.

– Виктор вообще мало написал, – продолжила Варя, как бы читая мои мысли. – На всех выступлениях читал одно и то же... А вообще, я рада была, когда мы расстались! Ведь жить с ним было невозможно. Одни стихи на уме. В последние годы была у него любовь – Лариса Ставрогина из Юрьева. Может быть, у неё что-то осталось.

– А как это всё произошло? – дошёл-таки я до самого тяжёлого вопроса.

– Не знаю. В Москву я к нему приезжала только один раз. Уже тогда я была для него человеком из прошлой жизни. Но уверена – никакой пьянки не было. Виктор никогда не пил. Криминал тоже исключаю – кому он нужен, отнять у него было нечего... Несчастливая любовь? Вряд ли. Никогда никого и ничего не любил, кроме стихов. Скорей, какое-то разочарование в жизни. У него часто бывали депрессии...

* * *

В субботу утром я поехал в Юрьев. Недалеко от моста через Клязьму свернул направо, оставил машину на лужайке, дошёл до реки.

Старинная, политая кровью междоусобных разборок Юрьевская земля ждала меня на том берегу узкой речки и совсем не отличалась от земли нашей, нижегородской. Кстати, Бибиков очень любил реки. Волга, Ока, Ветлуга, Кудьма, Керженец, Линда, Яуза, Сходня – это всё было названо в его немногочисленных стихах.

Сидя под низкорослым ивовым кустарником, я подумал, насколько изменилась моя жизнь с тех пор, как я стал заниматься стихами Виктора. До сих пор не могу ответить на вопрос, почему мне так не нравилось изучать романы Достоевского, почему сам Достоевский, навязанный в институте малохоленной

научной руководительницей, был мне физически противен с его животной ненавистью к инородцам и страстью к рулетке? Я никогда не мог поверить, что наши классики действительно жили. Даже клочок волос Пушкина в музее на Мойке под стеклянной витриной казался мне поддельным. А здесь был человек, который говорил со мной, пил кофе и молочный коктейль в кафе «Космос» на улице Свердлова, дрожал на сквозняке, вздрагивал от автомобильных сирен и трамвайных звоночков, любовался первым снегом, писал стихи.

...Нашёл я Ставрогину далеко не сразу, на втором этаже барачного двухэтажного здания. Поразило, насколько она была внешне похожа на Варвару. Грязная у ворота старорежимная кофточка, джинсовая юбка, кое-где махрящаяся на подоле, вечная сигаретка в руке.

– Витя? Да, способный парень. Пожалуй, самый яркий поэт из нашего семинара. Жаль, что так получилось. Мы с ним мало общались.

– А я считал, что вас связывала долгая дружба.

– Откуда такие сведения?

– От Варвары Кудашевой, моей однокурсницы.

Что-то вроде гримасы появилось на лице Ставрогиной, но она быстро разыграла полное равнодушие.

– Не знаю такой.

– Скажите, у вас не могло остаться стихов Виктора?

– Нет, что вы... Откуда? Компьютеры тогда ещё только появлялись.

Шестнадцать лет прошло с его гибели.

«Шестнадцать лет...». Я посчитал. Лариса не ошиблась, и это точно названное число заставило меня усомниться в том, что они с Витей «мало общались».

– Пойдемте на лоджию, покурим.

– Спасибо, я не курю.

– Ну, постоите рядом.

Вся лоджия была завалена старыми толстыми журналами – «Новый мир», «Дружба народов», «Москва»...

Лариса долго курила, глядя в одну точку.

– А вы знаете, – сказала она вдруг, – а ведь я все его письма уничтожила.

– Письма? Так, стало быть, у Бибикова ещё были какие-то письма?

– Да, немного, штук десять. Жаль, конечно. Тем более, не совсем личные.

Там рассуждения были – о жизни, о литературе. Как раз то, что интересует вдумчивого читателя... Ну что вы так смотрите на меня... Ну, выбросила. Разорвала сначала на мелкие кусочки. Баба, истеричка... можете продолжить. Я вам сначала вообще ничего говорить не хотела, а потом вдруг поняла – интерес у вас к Вите настоящий, человеческий, не ради там статьи какой-нибудь или учёной степени... Поэтому честно вам и призналась. А стихи его у меня остались. Неопубликованные. Девять штук. Я вам сейчас ксерокопии сделаю.

Через несколько минут я держал в руке девять свежих листов бумаги с отсканованной машинописью. Сам вид этого текста подействовал на меня сакрально, как старославянский шрифт на православного христианина. Ведь и у меня была когда-то пишущая машинка «Москва», мне её подарила соседка, бывшая журналистка. И у меня клавиша с буквой «О» подчас насквозь пробивала бумагу, оставляя овальные дырочки. Удивительное совпадение.

– Кроме этих стихов у меня ничего нет, честное слово. Если нужны будут воспоминания, я напишу. Сама напишу. И чтобы без исправлений. Интервью давать не буду. Вот мои координаты, здесь и электронка есть, – Лариса дала мне серебристую визитку. – Так что пишите, звоните...

* * *

С чувством душевного подъёма вырулил я на центральную улицу Юрьева. Нет, я поехал сюда не напрасно!

Припарковавшись возле исторического центра, долго ходил по высокой набережной Клязьмы, посетил старинные соборы. Всё это время девять листков бумаги, сложенные пополам, лежали у меня во внутреннем кармане куртки. Я боялся читать эти стихи. Вдруг это будет другой Бибиков, не тот, которого я знал? Ещё девять стихотворений! Стало быть, 49 уже есть у меня... А вдруг они были опубликованы?

Я сел на лавочку, чувствуя, как напряжённо колотится сердце.

Нет, эти стихи были мне незнакомы. И одновременно с этим возникло у меня чувство узнавания – никто, кроме Вити Бибикова, не мог написать эти строчки!

*Глядел на Кудьму я – на илистое дно,
На водорослей тонкие травинки,
Смотрел многосерийное кино –
Как в гладиаторском кровавом поединке
Столкнулись лето с осенью... Оно
Не новое, но красочны картинки.*

*Хрустел сентябрь свернувшимся листом –
Сухим и ломким, как твои сосуды,
И лета обветшалого фантом
Напоминал про поцелуй Иуды.*

*Никак ответить я не мог – к чему
Сижу я здесь, зачем мне это пенье
Кузнечиков, поскольку не пойму
Ни этот мир, ни светопредставленья*

*И светопреломленье – видит Бог
Меня у речки, сломанную иву,
Цикорий, зверобой, чертополох,
Пырей, полынь, репейник да крапиву,*

*И сломанное старое весло
С намазанной кривою цифрой «9»...
Надежды все течение унесло.
Как быстро всё исчезло и прошло!
И что теперь мне с этим миром делать?*

* * *

Большая жёлтая церковь в Лакинске. За церковью – источник со святой водой, часовенка, кладбище. Припарковавшись возле этой церкви, я вдруг понял, что еду в Москву.

Именно там мне предстоит поставить точку в моих исследованиях, именно там я, скорей всего, смогу понять то, что не понял раньше.

Мне хотелось увидеть своими глазами всё, что видел он, когда шёл пешком от станции метро «Дмитровская» до общежития.

Я и сам не понимал, почему всё это мне было так важно!

Здание общежития всегда вызывало ощущение неприютности. Сейчас там установили турникет, в будке сидит мордоворот в камуфляжной форме.

Всё тот же лифт, медленно скользящий по шахте.

Я поднимаюсь на шестой этаж.

Не знаю, из какого окна он выпрыгнул, знаю только, что упал не на улицу, а во двор. Действительно, высокогато.

И страшновато.

Я долго смотрю вниз. Пытаюсь понять, что он чувствовал тогда, в далёком октябре 1993 года.

Нет, он вовсе не был героем и не ходил защищать последний русский парламент. Его убили не выстрелы из «демократических» танков на Краснопресненской набережной. Мне кажется, он ушёл от нас ещё раньше, так же, как Блок угас не в двадцать первом, а в восемнадцатом году.

«Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим...»

...В наш город привезли его в товарном вагоне...

Похоронили Бибикова на кладбище в районе фабрики «Красная Этна». Возле жуткой ободранной кирпичной стены – скромная заброшенная могила. Металлический памятник-временка с красной звездой. Странное недоразумение – Витя никогда не служил в армии.

...Если честно, я очень плохо знаю, каким он был, и сильно переживаю из-за этого. Я чувствую нишу в пространстве, которую занимало когда-то его тело. Эту нишу теперь не может заменить никто и ничто.

У меня не было друзей. Я понимаю, что Витя Бибииков мог быть моим другом. Как человек, он был наверняка гораздо шире своих стихов.

Он не сумел перепрыгнуть через водоворот, отделяющий тот берег от этого. И я не знаю, кем бы он стал, если бы перепрыгнул. Во всяком случае, я его не вижу ни пошлым коммерческим издателем, ни писателем-пройдохой, ловким получателем всевозможных пахнущих дешёвыми фуршетными междусобойными премиями и грантами, ни членом всяких международных, всеевропейских и прочих фондов имени создателей водородных бомб, выставляющих глянцевые морды на каждом углу, ни книжным спекулянт-барахольщиком.

Наверное, есть в этом какая-то несправедливость, что я со всеми своими статьями и диссертациями, почти никому не нужными, живу, а его – нет.

На памятнике более чем скромная табличка: «Бибииков Виктор Александрович. 1961 – 1993». Он не дожил даже до возраста Христа.

* * *

Я беру простую, картонную папку, кладу туда все газетные вырезки со стихами Вити, вырванные странички из журналов и две подборки – мою, старую, 1984 года и ту, которую мне подарила Лариса из Юрьева, и ставлю папку на книжку полку – рядом со своими любимыми стихами.

Я думаю, это правильное решение. Ведь книжная полка – лучшее место для стихов.

Сборник прозы лауреатов
Международной литературной премии ДИАС-2022

Редактор-составитель Галина БУЛАТОВА